

Религиозная организация – духовная образовательная
организация высшего образования «Тамбовская духовная семинария
Тамбовской Епархии Русской Православной Церкви»

Церковно-практическая кафедра

ДОПУЩЕНА К ЗАЩИТЕ
Заведующий кафедрой
канд. пед. наук, доцент Евтихий П. Н.

«08» мая 2019 г.

Священник Михаил Игоревич Липунцов

**«Религиозно-философское осмысление пастырского служения в
творчестве Ф.М. Достоевского»**

Выпускная квалификационная работа

Студент 4 курса
направления подготовки
«Практическая теология Православия»
(бакалавриат)
очной формы обучения

Научный руководитель:
к. филол. н, доцент
Грудинина Е. В.

Тамбов
2019

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Пастырское служение в художественном мире Ф.М. Достоевского.	7
1.1. Образы пастырей и способы духовного окормления паствы в произведениях Ф.М. Достоевского.	7
1.2. Особенности взаимоотношений пастыря и паствы в контексте творчества писателя.	23
Глава 2. Изображение старчества как вершины пастырского служения в романе «Братья Карамазовы».	29
2.1. Старчество в традиции Древней Восточной Церкви и на Руси.	29
2.2. Образ старца Зосимы как центра духовной жизни в романе «Братья Карамазовы».	37
Глава 3. Особенности восприятия духовного руководства как основа психологической характеристики личности и общества в творчестве Ф. М. Достоевского.	44
3.1. Духовная природа социально-политического нигилизма в романе «Бесы».	44
3.2. Парадигма духовной жизни общества в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы».....	49
Заключение.	70
Список источников.	73
Список литературы.	75

Введение.

О неразрывной связи пастыря и паствы Священное Писание гласит: «Никто не похитит их (овец) от руки Моей, Отец Мой, Который дал Мне их, больше всех: и никто не может похитить их из руки Отца Моего» (Ин. 10, 29).

По мнению святителя Димитрия Ростовского, «условием истинного пастырства является уверенность в принадлежности пасомого стаду Христову, которое в Нем и в Отце Его имеет охрану, давая надежду в духовной победе пастырю и пасомому»¹. Митрополит Антоний (Храповицкий) полагает, что необходимым условием пастырства является общение со Христом при обладании дарами Святого Духа, то есть в пребывании в Церкви (пастырство возможно только в Церкви)². Миряне же не вполне обладают правом нравственного учительства, так как не имеют полномочий от Церкви. Такое высказывание частично противоречит древней монастырской практике старчества в монастырях, когда помыслы братии принимал опытный монах преклонного возраста, который не имел священнического сана, однако, был избран для этой роли священноначалием. Правила, сформулированные апостолом Павлом в послании к Тимофею и Титу, гласят, что кандидат должен обладать безупречным нравственным обликом, достаточными богословскими познаниями, хорошей репутацией, быть единобрачным и не принадлежать к числу недавно крещеных (1 Тим 3. 2-7; Тит 1. 7-9). В ходе исторического развития церковного права эти требования несколько изменились и расширились: например, в IV веке многие избирались из женатых людей, продолжавших вести семейную жизнь и имевших детей, то к V в. предпочтение стали отдавать безбрачным и монахам.

Апостол Павел определил отношение пастыря к верующим, уподобляя его пестуну, то есть няне (Гал. 3, 24). Вместе с тем пастырь должен обладать надежным духовным стержнем, чтобы устоять перед соблазнами мира: «кто

¹ Цит. по: Антоний (Храповицкий), митр. Пастырское богословие. М., 1994. С. 8.

² Там же.

изнемогает, и не изнемогаю; кто соблазняет, и аз не разжизаюся?» (2 Кор. 11, 29). Пастырь должен сраспинаться со своим ближним, что невозможно без особенного дара, без внутреннего обновления. Если он не имеет этого свойства, то его служение является ложью. Истинный пастырь соединяет духовные нужды пасомых со своими, скорбит и радуется с ними, как родители с детьми: «Дети мои, для которых я снова в муках рождения, пока не изобразится в вас Христос» (Гал. 4, 19).

Влияние души пастыря на паству зависит от степени его преданности своему призванию. Если даже деятельность пастыря будет обладать полнотой всех качеств, то из этого не следует, что все пасомые будут святыми: одни будут подчиняться, другие – противиться. По слову апостола, *«для одних запах смертоносный в смерть, для других запах животельный на жизнь» (2 Кор. 2,15-16). И внутренняя сила пастыря заключена в сострадательной любви, поскольку «пребывающий в любви пребывает в Боге» (1 Ин, 4, 16).*

Настоящая работа посвящена изучению особенностей изображения в творчестве Ф.М. Достоевского пастырского служения и восприятия духовного руководства обществом второй половины XIX века.

Актуальность исследования обусловлена возрождением интереса к вопросам духовного руководства и взаимоотношений пастыря и паствы в русской православной традиции и в современной жизни. Отражение в русской классической литературе периода критического реализма образа духовного наставника и восприятия духовного руководства представителями различных социальных слоев и психологических типов позволяет провести аналогии с современным состоянием религиозного сознания общества. Наличие духовника, мудрого наставника во многом определяет направление и степень духовного возрастания личности. Духовный отец является своего рода гарантом истинности религиозных воззрений своего подопечного: он не только следит за формальным соблюдением церковных канонов и установлений, но и помогает духовному чаду избрать наиболее подходящий для него путь к спасению души.

Глубокий духовный кризис российского общества рубежа XIX-XX веков во многом был обусловлен отчуждением народа от Церкви, ослаблением пастырского влияния на умы и сердца людей. Вместе с тем важным аспектом работы является рассмотрение особенностей восприятия духовного руководства людьми различных психологических типов и социальных слоев на материале романов Ф.М. Достоевского «Бесы» и «Братья Карамазовы». Именно степень принятия духовного наставника, готовность следовать его мудрым советам выступает в качестве фактора, определяющего дальнейшую судьбу каждого из персонажей романа.

Цель работы – дать системное описание практики духовного окормления в контексте традиции Древней Восточной и Русской Православной Церквей на материале романов Ф.М. Достоевского, определив степень влияния пастыря на отдельную личность и общество в целом.

Основные задачи исследования:

1. Представить систему образов духовных пастырей из произведений Ф.М. Достоевского в соответствии с церковной иерархией и степенью их влияния на паству.
2. Выявить истоки и развитие духовного руководства в традиции Древней Восточной и Русской Православной Церквей.
3. Сопоставить понятие духовного руководства в Древней Восточной Церкви с русской православной традицией духовничества (старчества).
4. Раскрыть нравственно-философское значение образа старца Зосимы в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы».
5. Рассмотреть особенности восприятия духовного руководства различными персонажами романа как основу психологической характеристики личности и общества последней трети XIX в.
6. Выявить социально-политические, индивидуально-психологические и духовно-нравственные причины отчуждения пастырей от российского общества второй половины XIX века.

Объектом исследования выступает институт пастырства и духовного наставничества в Русской Православной Церкви второй половины XIX века в художественной системе Ф.М. Достоевского.

Предмет исследования – типичные формы взаимодействия священнослужителя и паствы, представленные в произведениях Ф.М. Достоевского.

В ходе исследования использованы следующие **общенаучные и частнонаучные методы**: индукция, анализ, аналогия, классификация, сравнительно-исторический, метод лингвистического анализа.

Теоретической базой работы послужили труды профессора Московской духовной академии Сергея Ивановича Смирнова, профессора Киевской духовной академии Василия Ильича Экземплярского, доктора богословия Михаила Михайловича Дунаева, историка религии Алексея Львовича Беглова, преподобного Иустина (Поповича), Ростислава Владимировича Плетнева, а также труды литературоведов и авторов статей Православной энциклопедии под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла.

Структура работы состоит из введения, трех глав, в каждой из которых по два параграфа, заключения и списка литературы.

Материалы работы апробированы на I Всероссийской Феофановской теолого-педагогической конференции и II Всероссийской научно-практической Амвросиевской конференции в городе Тамбове. Также опубликованы научные статьи в Богословском сборнике Тамбовской духовной семинарии.

Глава 1. Пастырское служение в художественном мире Ф.М. Достоевского.

1.1. Образы пастырей и способы духовного окормления паствы в произведениях Ф.М. Достоевского.

В начертании бесчисленных типов разнообразных областей общественного быта Федор Михайлович Достоевский не обходит стороной тип священнослужителя. Если в начале творчества писателя данный тип появляется лишь эпизодически, то в последнем романе «Братья Карамазовы» он один из главных в повествовании.

Образ священнослужителя не всегда стоит в ряду положительных персонажей, способствующих духовному возрождению личности героев и любви. К данной категории относится, прежде всего, **священник – недуховник (требный)**, наглядным примером которого служит священник, приглашенный для причащения умирающего Мармеладова в романе «Преступление и наказание». Семён Захарович сам изъявляет желание пригласить священнослужителя, жена же отворачивается к окну со словами: «О, треклятая жизнь». Он просит священника, но присылают доктора. Вся боль Екатерины Ивановны сводится к одному простому вопросу: «Куда я дену детей после смерти мужа?». Но затем она признаётся, что от мужа были одни убытки, и хорошо, что помирает. В центре вопроса – дети, отдельная широкая тема в творчестве Достоевского. Где милость Божья, если страдают дети? Вопрос, ответ на который вырастет до масштаба романа «Братья Карамазовы».

В рассматриваемом же эпизоде степень отчуждения пастыря и страдающих людей показана в диалоге священника и Катерины Ивановны:

– Бог милостив; надейтесь на помощь Всевышнего, – начал было священник.

– Э-эх! Милостив, да не до нас!

– Это грех, грех, сударыня, – заметил священник, качая головой³.

Попытавшись сказать пару напутственных слов, пожилой священнослужитель недолго был в доме Мармеладовых. Он не смог утешить Катерину Иванову, предложив поискать помощи у тех, кто задавил отца семейства, но, осознав бессмысленность своего совета, «священник поник головой и не сказал ничего»⁴.

Когда на смертном одре оказалась сама Катерина Ивановна, она уже не зовёт священника: «Что? Священника?.. Не надо... Где у вас лишний целковый?.. На мне нет грехов!.. Бог и без того должен простить... Сам знает, как я страдала!.. А не простит, так и не надо!..»⁵. Конечно, в порыве гордого отчаяния Катерина Ивановна могла преувеличить цену за причастие, но факт остаётся фактом: духовной поддержки после первого посещения священником их бедного жилища она не получила. Безусловно, в оценке данной ситуации не следует умалять вины самой Катерины Ивановны, которая чрезвычайно далека от христианского смирения. Тем самым Ф.М. Достоевский тонко подмечает, что отчуждение между пастырем и пасомыми в данном случае обоюдное.

На панихиду по мачехе пришла Соня Мармеладова, вынужденная именно под ее давлением пойти по «жёлтому билету». Её присутствие несколько смутило священнослужителя: «Благословляя и прощаясь, священник как-то странно осматривался»⁶. Однако возможно, как считает исследователь Карен Степанян, что священник почувствовал «что-то другое, слишком ужасное и беспокойное», то есть присутствие в помещении убийцы, и вместе с ним – зла⁷.

В первом сне Раскольниковова, где по пути из храма на кладбище разворачивается сцена убийства лошади возле кабака, и юный Родион

³ Достоевский, Ф. М. Преступление и наказание : роман. Москва, 1988. С. 114.

⁴ Там же. С. 115.

⁵ Там же. С. 265.

⁶ Там же. С. 271.

⁷ Степанян, К. Человек в сфере «Реализма в высшем смысле» : теодицея и антропология Достоевского. С. 213.

испытывает острую жалость к несчастному животному, тоже появляется священнослужитель. Этот сон раскрывает истинную сущность характера героя романа – доброго и милосердного человека. И именно в этом самом сне автор связывает эти высокие нравственные качества героя с его отношением к храму: «Он любил эту церковь и старинные в ней образа, большею частию без окладов, и старого священника с дрожащею головой»⁸. Исследователь Татьяна Касаткина пишет, что этого эпизод романа имеет связь с биографией автора: маленький Достоевский также гулял с отцом в Марьиной роше, где тропинка вела к Лазаревскому кладбищу, на котором была похоронена сестра Любочка, прожившая лишь несколько дней. Возможно, старый священник с дрожащей головой являлся клириком той церкви.

Еще одной автобиографической ассоциацией в творчестве Достоевского является тот факт, что изображаемые им священники как правило служат обедни – поздние Литургии, введенные в России для аристократии. Так в романе «Бесы» автор пишет: «Кончилась наконец обедня, и наш протоиерей, отец Павел, вышел сказать торжественную проповедь. У нас любили его проповеди и ценили их высоко, уговаривали его даже напечатать, но он всё не решался. На этот раз проповедь вышла как-то особенно длинна»⁹. Биограф писателя Касаткина также отмечает, что «по воскресеньям и большим праздникам семья Достоевских ходит в больничную церковь (Мариинскую больницу в Москве – прим. авт.) к обедне, а накануне – ко всенощной»¹⁰ Ею также было установлено, что во время рождения и крещения Фёдора Михайловича в этом храме служил священник Василий Ильин, ставший, очевидно, прототипом упомянутого выше образа протоиерея Павла.

Священник из романа «Бесы», пришедший к заболевшему Степану Трофимовичу, тоже выступает всего лишь в роли требоисполнителя. «Прошу вас, батюшка, непременно остаться с больным, – быстро остановила Варвара

⁸ Достоевский, Ф. М. Преступление и наказание. С. 39.

⁹ Достоевский, Ф. М. Бесы // Соч. : в 12 т. Москва, 1982. Т. 9. С. 200.

¹⁰ Касаткина, Т. «Главный вопрос, которым я мучился сознательно и бессознательно всю мою жизнь, - существование Божие...» : опыт духов. биограф. Ф.М. Достоевского // Ф.М. Достоевский и Православие : публицист. сб. ст. о творчестве Ф.М. Достоевского. Москва, 2003. С. 147.

Петровна разоблачившегося уже священника. – Как только обнесут чай, прошу вас немедленно заговорить про божественное, чтобы поддержать в нем веру. Священник заговорил; все сидели или стояли около постели больного.

– В наше греховное время, – плавно начал священник, с чашкой чая в руках, – вера во Всевышнего есть единственное прибежище рода человеческого во всех скорбях и испытаниях жизни, равно как в уповании вечного блаженства, обетованного праведникам...»¹¹. На что Степан Трофимович ответил по-французски. Тем самым автор подчеркивает, что герои в буквальном смысле говорят на разных языках, между ними нет духовного единения. Казалось бы, речь священника правильна и с точки зрения содержания, и с точки зрения формы, но маленькая деталь – чайная чашка в руках – полностью нивелирует ее, демонстрирует отсутствие живого участия пастыря в судьбе больного. Со своей стороны, Степан Трофимович усугубляет своей репликой это отчуждение.

Еще более контрастно подчеркнута отсутствие духовного контакта между пастырем и пасомым в романе «Идиот». Осуждённый на смертную казнь из рассказа князя Мышкина по дороге на эшафот не слышит увещеваний священника, приставленного для сопровождения заключённых в таких случаях. Аналогичный эпизод имел место в биографии самого автора: Фёдор Достоевский был из числа тех, кто отказался от исповеди в ожидании смертной казни на Семёновском плацу 22 декабря 1849 года.

Самый неприглядный пример беспринципности и равнодушия пастыря находим в повести «Дядюшкин сон»: героиня, обдумывая скорую и выгодную свадьбу Зиночки с князем, желает пригласить для этой цели деревенского священника на дому, при этом, для успеха задуманного она хочет напоить жениха: «Обвенчать мог на дому и деревенский священник. Можно было обвенчать даже послезавтра; в самом крайнем случае даже и завтра. Ведь бывали же свадьбы, которые в два часа обделывались! <...> В крайнем случае

¹¹ Там же.

можно даже и напоить его или, еще лучше, держать его постоянно пьяным»¹². Показательно, что столь недостойный замысел, как уверена героиня, не вызовет у священника ни протеста, ни вопроса. Очевидно, щедрое вознаграждение за требу способно заставить его закрыть глаза на неприглядные обстоятельства при совершении церковного таинства. И подобная «толерантность» со стороны духовенства была, очевидно, нередким явлением, поскольку нашла отражение в произведениях критического реализма с его типизацией образов.

Из приведенных примеров можно составить собирательный образ священника-требоисполнителя, представленный в творчестве писателя: он зауряден и не обладает духовными дарами, способными повести пасомых по пути спасения; суть своего служения он видит в совершении уставных богослужений и треб по просьбе паствы за вознаграждение; между ним и паствой существует трудно преодолимый психологический барьер.

В постановлениях прошедшего в декабре 2017 года Архиерейского собора говорится: «Главное же служение, к которому призван каждый пастырь, – это совершение Божественной литургии, поскольку принесение Бескровной Жертвы благодарения о всех и за вся есть величайшее и важнейшее из всех возможных на земле дел»¹³. Несомненно, эти священнослужители призваны к самому главному – совершению Божественной литургии, но, тем не менее, оторваны от своих «овец».

Второй тип священнослужителя в изображении Ф.М. Достоевского может быть определен как **духовный отец**. К таковым следует отнести образ старца Зосимы («Братья Карамазовы»), епископа Тихона («Бесы»), а также переходные типы: игумена монастыря, иеромонаха Паисия, библиотекаря Иосифа («Братья Карамазовы»).

¹² Достоевский, Ф. М. Дядюшкин сон. Т. 2. С. 83.

¹³ Послание Освященного Архиерейского Собора клиру, монашествующим и всем верным чадам Русской Православной Церкви [Электронный ресурс] // Русская Православная Церковь : офиц. сайт Рус. Православ. Церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5076125.html> (дата обращения: 12.11.2018).

Образ иеросхимонаха Зосимы является духовным центром и воплощением авторского идеала в романе «Братья Карамазовы». Подробно мы рассмотрим образ старца Зосимы в следующей главе.

Следующий духовный отец – епископ Тихон из романа «Бесы», которому не удается оказать благотворное воздействие на заблудшую душу Ставрогина. Сразу возникает вопрос: почему Маркел («Братья карамазовы»), сходный тип со Ставрогиным, слушается Зосиму, который еще не облечён священным саном, а Ставрогин не внимает словам епископа Тихона? Несомненно, дело в готовности человека воспринимать духовные советы, ведь и наставлениям старца Зосимы следуют немногие, как немного было последователей у самого Господа Иисуса Христа. Однако в контексте данного рассуждения важно, как действует духовник Тихон.

Ставрогин, задумавший очередное показное преступление (сходное с преступлением Ивана в романе «Братья Карамазовы»), приходит в монастырь к пребывающему на покое архиерею. Епископ Тихон призывает Ставрогина к смирению и вере, убеждает, что спасение возможно, если он победит свою гордость. Однако духовник не в силах вымолить или убедить героя, потому что Николая Ставрогину необходимо потрудиться самому. Тем не менее, святитель прорицает, что после или даже до обнародования «исповеди» Ставрогина тот бросится в еще более страшное преступление. На что Ставрогин в бешенстве произносит: «Проклятый психолог!» – и убегает из монастыря.

Важно, что в сцене с Тихоном ложная красота Николая Ставрогина разоблачается полностью, открывается отвратительная сущность его личности. Даже «исповедь», которую герой планирует обнародовать, составлена неверно, с присущей ему горделивостью. По мнению Мочульского, епископ Тихон сорвал с самозванца пышный плащ Ивана-

царевича, маску демонической красоты¹⁴. Этот ключевой момент романа, к сожалению, не опубликованный, наглядно показывает, что отступника постигла духовная смерть при жизни. По мнению Мочульского, Тихон – антипод Ставрогина: сильному человеку противопоставляется слабый, гордому – смиренный, мудрецу – юродивый. Тихон внешне предстает слабым, болезненным, с неопределённой улыбкой и странным застенчивым взглядом. У него ревматическая болезнь ног и нервные судороги. Он не стремится произвести впечатление, в монастыре не сумел расположить к себе отца архимандрита и братию. Эти качества противопоставляют его мнимой красоте и красноречию Ставрогина. Тихон не словом, а всем своим видом показывает образец христианского смирения. Под убогой внешностью в святом скрываются дары ясновидения и пророчества. И в чтении «исповеди грешника» епископ Тихон делает акцент на самом болезненном для Ставрогина, показывая, что в ней нет ничего героического, она некрасива и смешна. Вместе с тем святитель даёт заблудшей душе установку на движение ко Христу: «О, не верьте тому, что не победите! Всегда кончалось тем, что наипозорнейший крест становился великой славой и величайшею силою. Если веруете, что можете простить сами себе, и током сего прощения и ищите достигнуть страданием своим, то уж во всё веруете... И Христос простит. Если грешник признает свой грех и мучится им, он уже вернулся к Богу»¹⁵. Однако даже эти воодушевляющие слова старца не выводят из духовного тупика Ставрогина, сердце которого не знает ни смирения, ни покаяния.

Писатель не упускает эстетических отличий Тихона от Ставрогина. В обстановке кельи Тихона вещи подобраны изысканно: удобное кресло, большой письменный стол превосходной отделки, изящный резной шкаф для книг, гравюры, библиотека. И этот интерьер, по традиции русской реалистической школы, является отражением гармонии внутреннего мира,

¹⁴ Мочульский, К. Достоевский : жизнь и творчество. Глава 18. "Бесы" [Электронный ресурс] // Литература : [некоммер. сайт.] URL: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/bio/mochulskij-dostoevskij-zhizn-i-tvorchestvo/glava-18-besy.htm> (дата обращения: 02.12.2018).

¹⁵ Достоевский, Ф. М. Бесы. Неизданная глава. «У Тихона» [Электронный ресурс] // LIB.RU : [сайт] URL: http://az.lib.ru/d/dostoevskij_f_m/text_0080.shtml (дата обращения: 24.11.2018).

обитающего в данном помещении человека. А Николай Ставрогин, напротив, показан человеком вне жилища, постоянно разъезжающим по России и за границей, душа которого скрыта от окружающих. Важное значение для характеристики образа имеет речевая характеристика: епископа Тихона отличает высокий, строгий, архаизированный слог; лексика Ставрогина бесформенна и искусственна. Тем самым автор подчеркивает своеобразный «языковой барьер», препятствующий духовному единению героев.

В образах иеромонахов Паисия и Иосифа («Братья Карамазовы») воплощены типы священнослужителей, близкие к духовничеству в настоящем, а в будущем – к старчеству. Они принадлежат к **учёному монашеству**. Иеромонах Паисий становится духовником для Алёши Карамазова после смерти старца Зосимы. Более того, в напутственном слове священника можно усмотреть своего рода ответ на исповедь самого писателя в письме к Фонвизиной, где Достоевский признаётся, что не признает истины вне Христа: «Помни, юный, неустанно (так прямо и безо всякого предисловия начал отец Паисий), что мирская наука, соединившись в великую силу, разобрала, в последний век особенно, все, что завещано в книгах святых нам небесного, и после жестокого анализа у ученых мира сего не осталось из всей прежней святыни решительно ничего. Но разбирали они по частям, а целое просмотрели и даже удивления достойно до какой слепоты. Тогда как целое стоит пред их же глазами незыблемо, как и прежде, и врата адавы не одолеют Его. Разве не жило оно девятнадцать веков, разве и не живет и теперь в движениях единичных душ и в движениях народных масс? Даже в движениях душ тех же самых, все разрушивших атеистов живет оно как прежде незыблемо! Ибо и отрекшиеся от христианства и бунтующие против него в существе своем сами того же самого Христова облика суть, таковыми же и остались, ибо до сих пор ни мудрость их, ни жар сердца их не в силах были создать иного высшего образа человеку и достоинству его, как образ, указанный древле Христом. А что было попыток, то выходили одни лишь уродливости. Запомни сие особенно, юный, ибо в мир назначаешься

отходящим старцем твоим. Может, вспоминая сей день великий, не забудешь и слов моих, ради сердечного тебе напутствия данных, ибо млад еси, а соблазны в мире тяжелые и не твоим силам вынести их. Ну теперь ступай, сирота»¹⁶.

Этим проникновенным словом отец Паисий благословил юношу. Выходя из монастыря и обдумывая услышанное напутствие, Алеша вдруг понял, что в этом строгом и суровом доселе к нему монахе он встретил теперь нового неожиданного друга и горячо любящего его нового духовного руководителя, – словно старец Зосима, умирая, завещал ему свое духовное чадо.

Иеромонах Паисий выступает в этой сцене именно представителем ученого монашества, его речь носит явный апологетический характер: будучи хорошо знаком не только с соблазнами мира, но и с его научными достижениями, он стремится предостеречь Алешу от прельщения научными знаниями, которые зачастую далеки от Христовой истины. Новый духовник завещает юноше хранить в сердце высочайший идеал Христа, в котором только и возможно истинное познание. В то же время отец Паисий не сковывает свободную волю Алеши, лишь выражает надежду на то, что его напутствие он сохранит в душе в память о «великом дне», когда он по завету старца Зосимы вышел в мир.

Библиотекарь монастыря иеромонах Иосиф также показан как представитель ученого монашества, близкий по духу иеромонаху Паисию и принадлежащий к ближайшему окружению старца. Вместе с отцом Паисием он вступает в спор с Иваном Карамазовым по поводу сочиненной им статьи о церковно-общественном суде, разъясняя принципиальное отличие церковно-государственных отношений в понимании Римско-католической Церкви и Православия. Они подчеркивают, что ложный путь, на котором стоит католическая церковь, не может привести к идеалу: «...не Церковь обращается

¹⁶ Достоевский, Ф. М. Братья Карамазовы. Москва, 2016. С. 211.

в государство То Рим и его мечта. То третье диаволово искушение! А, напротив, государство обращается в Церковь, восходит до Церкви и становится Церковью на всей земле...». К нему ведет только Православная Церковь: «От Востока звезда сия воссияет»¹⁷.

Очевидно, что в образах ученых монахов, соединивших в себе высоту духовную и рациональную, воплотился авторский идеал церковного и общественного деятеля, способного нести свет Христовой истины в современном мире, среди отошедшей от веры интеллигенции.

Среди близкого окружения старца Зосимы есть еще два монаха, которых Алеша встречает в келье своего наставника в день их последней встречи. Автор так характеризует их: «...Иеромонах отец Михаил, настоятель скита, человек не весьма еще старый, далеко не столь ученый, из звания простого, но духом твердый, нерушимо и просто верующий, с виду суровый, но проникновенный глубоким умилением в сердце своем, хотя видимо скрывал свое умиление до какого-то даже стыда. Четвертый гость был совсем уже старенький, простенький монашек, из беднейшего крестьянского звания, брат Анфим, чуть ли даже не малограмотный, молчаливый и тихий»¹⁸.

Достоевский, на первый взгляд, противопоставляет этих двух монахов отцу Паисию и отцу Иосифу, подчеркивая их «неученость» и даже «малограмотность». Но в то же время автор указывает, что все четверо духовно едины, всем сердцем восприняв идеал Христов через руководство старца Зосимы. Таким образом, в последнем романе Достоевского обосновывается преимущество духовного над рациональным.

Следующим типом духовных наставников являются те из мирян, кого апостол Петр именует «**царственное священство**, народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенства Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет» (1Петр. 2, 9). Этих людей нельзя назвать пастырями в привычном смысле

¹⁷ Буланов А.М. Статья Ивана Карамазова о церковно-общественном суде в идейно-художественно й структуре последнего романа Достоевского [Электронный ресурс] // http://lib2.pushkinskiydom.ru/Media/Default/PDF/Dostoevsky/Materialy/T_12/08_Буланов_125.pdf (Дата обращения: 27. 04.2019).

¹⁸ Достоевский, Ф. М. Братья Карамазовы. Москва, 2016. С. 211.

этого слова, скорее это верные последователи учения Христова, своим жизненным подвигом подтвердившие истинность своей веры и способные, в свою очередь, привести к спасительному пути других: «И, пожив в этом мире, дав спасительные заповеди, освободив нас от обмана идолослужения, Он привел нас в познание Тебя, истинного Бога и Отца, приобрета нас для Себя как царственное священство, народ святой» (Анафора свт. Василия Великого).

Пример «царственного священства» находим в романе «Преступление и наказание». Исследователь К. Степанян называет Соню Мармеладову «священником» для Раскольникова¹⁹. Она читает Родиону Евангелие, одевает на грудь крест. И именно к ней заблудшая душа героя стремится для того, чтобы принести первую, пусть и несовершенную исповедь. Здесь можно провести параллель с житием преподобной Марии Египетской: преподобный Зосима, встретив великую подвижницу в пустыне, испытал растерянность, не зная, первому ли ему благословлять преподобную Марию или же просить благословение у неё²⁰.

Марию Египетскую и Соню Мармеладову объединяют две общие черты: во-первых, блудный грех, которому преподобная Мария предавалась в юности, а Соня предалась ему по принуждению мачехи, потому что «некуда больше идти»; а во-вторых, искреннее раскаяние и стремление к искуплению своего греха. Так, преподобная Мария Египетская после первого причастия пребывала 47 лет в пустыне в строгом посте и молитве, считая себя недостойной приобщения Святых Христовых Тайн, а Соня так же сознательно накладывает на себя епитимью, считая себя недостойной посещения Божественной литургии. Это видно из текста:

- А в церкви не слышали?
- Я... не ходил. А ты часто ходишь?
- Н-нет, – прошептала Соня.

¹⁹ Степанян, К. Человек в сфере «Реализма в высшем смысле»: теодицея и антропология Достоевского. С. 206.

²⁰ Житие Марии Египетской // Жития святых, на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского. Москва, 1992. Кн. 8 : Апрель. С. 10.

Раскольников усмехнулся.

– Понимаю... И отца, стало быть, завтра не пойдешь хоронить?

– Пойду. Я и на прошлой неделе была... панихиду служила.

– По ком?

– По Лизавете.

В разговоре с Соней намечаются зёрна исповеди у Раскольникова. В Священном Писании говорится: *Признавайтесь друг пред другом в проступках и молитесь друг за друга, чтобы исцелиться: много может усиленная молитва праведного* (Иак. 5: 10-16).

В ряду персонажей-мирян, выполняющих пастырскую роль Макар для подростка («Подросток»), книгоноша Софья – для Степана Трофимовича («Бесы»), Алёша Карамазов – для братьев Димитрия и Ивана, а также отца. Таким образом, многие герои писателя приходят в Церковь через Церковь – то есть через Божий народ (Εκκλησία – совокупность ангелов и людей под единой главой Христом). Ибо Церковь объединяет всех людей, веровавших и верующих во Христа, когда бы они ни жили и где бы они ни находились.

Противоположный истинному пастырству тип представлен в образе монаха Ферапонта («Братья Карамазовы»), которого можно назвать **ложным духовником**.

Для этого ярого противника старчества характерен грех прелести, происходящий от гордыни. «Изуверство отца Ферапонта явным образом порождено именно неосознаваемой им гордынею», – отмечал Н. Лосский²¹.

Стремление к уединению скрывает тайное человеконенавистничество; постоянные бесовидения указывают на то, что Ферапонт в заблуждении. Он выступает в романе идейным антагонистом Зосимы. Л.А. Зандер отмечает: «Самым ярким антиподом старца Зосимы является у Достоевского отшельник отец Ферапонт. С художественной точки зрения это один из наиболее удавшихся Достоевскому образ: яркий, сильный, убедительный в своей

²¹ Лосский Н. Достоевский и его христианское миропонимание. Нью-Йорк, 1953. С. 224

жизненной правде. Это вполне понятно: в старце Зосиме Достоевский рисовал свой идеал; в отце Ферапонте он судил религиозное изуверство; недостатки всегда легче поддаются изображению, чем идеал: а Достоевский, помимо всего, был великим мастером карикатуры»²².

Внешнее описание Ферапонта противопоставляется описанию старца: в свои 75 или более лет он не стар, старец же Зосима в 65 лет выглядит гораздо старше своих лет. Примечательно, что предшественник Ферапонта постник и молчальник отец Иона прожил 105 лет. Видимо, этим автор показывает, что принимающий исповедь и пропускающий через своё сердце людское горе стареет гораздо раньше, чем тот, кто молчит, постится и молится.

Ферапонт не бывает на обязательной для всех монахов монастыря исповеди у старца Зосимы, не причащается Святых Христовых Тайн и, по сути, добивается своего отселения от монастыря в келью за пасекой по своей воле. Этого отшельника ничто не объединяет с монастырём. Вместе с тем он держит себя высокомерно по отношению к братии, приняв на себя роль некоего блюстителя чистоты веры. «Претензия монаха-отшельника Ферапонта быть надзирателем, инспектором и, так сказать, рецензентом веры Зосимы названа в романе изуверством; опасное, недостойное соперничество в исполнении обрядов и соблюдении постов показано Достоевским как зрелище темноты и мракобесия внутри церкви»²³.

Будучи простым монахом, Ферапонт благословляет такого же монаха из Обдорской обители, чем нарушает церковный Устав. Автор подчёркивает, что Ферапонт «всегда почти груб». Держит пост в Светлую Пасхальную Неделю, когда Уставом пост запрещен. «У него свой устав», – говорят иноки монастыря, поэтому послушаниями Ферапонт обременён не был, разве только возжигать лампы в своей келье. Когда Зосима почил, Ферапонт устраивает ужасающую сцену, злословя над телом упокоившегося старца.

²² Зандер Л. А. Монашество в творениях Достоевского (идеал и действительность) // Записки Русской Академической Группы в США. Нью-Йорк, 1981. Т. 14. С. 177.

²³ Достоевский Ф. М.: Сараскина Л. И. (Москва) Метафизика противостояния в «Братьях Карамазовых» [Электронный ресурс] // <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/kritika/sbornik-bratya-karamazovy/saraskina-moskva.htm> (Дата обращения: 23.04.2019).

Но и у Ферапонта есть свои «духовные чада». Это обдорский монашек, ищущий знамений и чудес. Старый монах поражает молодого псевдодуховными качествами: аскетическим постом напоказ; видение чертей; разговором со «святодухом». Приезжий монашек был не одинок, так как «множество братии вполне сочувствовало ему (Ферапонту, как борцу со старчеством, т.е. с духовничеством, прим. авт.), а из приходящих мирских очень многие чтили его как великого праведника и подвижника, несмотря на то, что видели в нем несомненно юродивого. Но юродство-то и пленяло»²⁴. Именно эта часть монастырской братии, а также Ракитин (посланный «на разведку» госпожой Хохлаковой), присутствовали среди усомнившихся в святости старца Зосимы, подвергнувшегося посмертному тлению.

Л.И. Сараскина, давая общую оценку этому негативному образу, справедливо заключает: «Явление ферапонтовщины изображено Достоевским как духовный соблазн и провокация в стенах Церкви. Темное, непросвещенное монашество как явление, а также живые примеры ферапонтов русской действительности XIX в. подвигли создателя «Братьев Карамазовых» отделить старца Зосиму от его противника Ферапонта и противопоставить их. Для Достоевского это значило – отделить Церковь от ее темного двойника, открыть ее ворота для тех, кому они были заслонены Ферапонтом»²⁵.

Представляет интерес в художественном мире Достоевского сравнение образа духовного пастыря Православной Церкви с католическими и протестантскими священнослужителями, изображаемыми как **лжепастыри**.

Смушение священника во время панихиды в присутствии Сони Мармеладовой отличается от ситуации с пастором из Швейцарской деревеньки в романе «Идиот»: «Тогда пастор, – он еще был молодой человек, и вся его амбиция была сделаться большим проповедником, – обратился ко всем и указал на Мари. «Вот кто была причиной смерти этой почтенной

²⁴ Достоевский, Ф. М. Братья Карамазовы. С. 205.

²⁵ Достоевский Ф. М.: Сараскина Л. И. (Москва) Метафизика противостояния в «Братьях Карамазовых» [Электронный ресурс] // <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/kritika/sbornik-bratya-karamazovy/saraskina-moskva.htm> (Дата обращения: 23.04.2019).

женщины» (и неправда, потому что та уже два года была больна), «вот она стоит пред вами и не смеет взглянуть, потому что она отмечена перстом Божиим; вот она босая и в лохмотьях, – пример тем, которые теряют добродетель! Кто же она? Это дочь ее!», и всё в этом роде»²⁶.

В этих двух сценах можно отметить много параллелей. Рассмотрим ситуацию с Соней. Некоторое время назад отец Сони, чиновник Мармеладов, остался без работы из-за пьянства, в результате чего семья Мармеладовых потеряла последнюю надежду выбраться из нищеты. Чтобы спасти семью от голода, Соня пожертвовала собой – «пошла по желтому билету». Безусловно, Софья Семёновна совершила грех, но как отреагировали отец и мачеха, также виноватые в этом преступлении перед Богом? Они молятся за Соню, в том числе малые дети. Раскольников просит детей помолиться и за него. Отец перед смертью просит прощения у дочери. А Соня собирается идти в храм на отпевание.

Теперь проследим, как разворачиваются события в романе «Идиот». После грехопадения и возвращения домой Мари – девушки из швейцарской деревни, мать принимает её со злобой и презрением, так же, как и односельчане (кроме детей). И своим строгим назиданием пастор лишь поддерживает общую атмосферу ненависти и презрения к падшей. Дети в обоих случаях остаются верны евангельским строкам: *«будьте как дети, ибо таковых есть Царствие Небесное» (Мф. 18, 3).*

Несмотря на отрицательные элементы в описании православных священнослужителей, гораздо больше на их фоне проигрывает духовенство западное: настоятель монастыря аббат Риго в романе «Подросток» сожительствует с матерью Ламберта²⁷; в романе «Идиот» аббат Гуро назван пройдохой²⁸.

²⁶ Достоевский, Ф. М. Идиот. Москва : Эксмо, 2012. 640 с.

²⁷ Достоевский, Ф. М. Подросток. Москва, 1982. С. 245.

²⁸ Достоевский, Ф. М. Идиот. Москва, 1982. С. 235.

Профессор М.М. Дунаев сделал очень важное открытие: одна и та же мысль, которая в устах святого Зосимы несёт высшую правду, у его оппонента в образе монаха-кардинала Великого Инквизитора, оборачивается абсолютной ложью.

Кардинал ²⁹ (безымянный)	Иеросхимонах Зосима
Обвиняя Христа: «Вместо твёрдого древнего закона – свободным сердцем должен был человек решать впредь сам, что добро и что зло, имея лишь в руководстве Твой образ пред собою...» ³⁰	«На земле же воистину мы как бы блуждаем, и не было бы драгоценного Христова образа перед нами, то погибли бы мы и заблудились совсем, как род человеческий перед потопом». ³¹

Инквизитор отказывает человеку в праве на свободу, отвергая образ Божий в человеке и тем являя своё неверие³².

Таким образом, несмотря на имеющиеся негативные явления в пастырской среде и проблемы в окормлении российской паствы, Ф.М. Достоевский видит признаки сохранения истинной веры и традиций духовного наставничества лишь в лоне Православной Церкви.

²⁹ Кардинал - высшее после папы Римского достоинство в иерархии Римско-католической Церкви.

³⁰ Достоевский, Ф. М. Братья Карамазовы. С. 312.

³¹ Там же.

³² Дунаев, М. М. Православие и русская литература : в 6 ч. 2-е изд., испр. и доп. Москва, 2002. Ч. 3. С. 185.

1.2. Особенности взаимоотношений пастыря и паствы в контексте творчества писателя.

В романе «Братья Карамзовы» старец Зосима обращает внимание на положение приходского духовенства: «Други и учителя, слышал я не раз, а теперь в последнее время еще слышнее стало о том, как у нас иереи Божии, а пуще всего сельские, жалуются слезно и повсеместно на малое свое содержание и на унижение свое, и прямо заверяют, даже печатно, – читал сие сам, – что не могут они уже теперь будто бы толковать народу писание, ибо мало у них содержания, и если приходят уже лютеране и еретики и начинают отбивать стадо, то и пусть отбивают, ибо мало-де у нас содержания. Господи! думаю, дай Бог им более сего столь драгоценного для них содержания (ибо справедлива и их жалоба), но воистину говорю: если кто виноват сему, то на половину мы сами! Ибо пусть нет времени, пусть он справедливо говорит, что угнетен все время работой и требами, но не все же ведь время, ведь есть же и у него хоть час один во всю-то неделю, чтоб и о Боге вспомнить. Да и не круглый же год работа. Собери он у себя раз в неделю, в вечерний час, сначала лишь только хоть деток, – прослышат отцы и отцы приходить начнут»³³.

Перед нами монах, который не утруждён малым содержанием, советующий братьям священникам уделять прихожанам, помимо богослужений, хотя бы один час в неделю на чтение Евангелия с объяснением для прихожан. Однако инициатива духовных наставников - старцев не всегда поддерживалась церковной властью.

В ноябре 1869 года Калужская духовная консистория потребовала у настоятеля Оптиной пустыни архимандрита Исаакия (Антимонова) разъяснений по обстоятельствам, изложенным в рапорте одного из священников епархии, поступившем в консисторию через благочинного. В этом рапорте от 3 августа 1869 года священник села Крапивны Жиздринского

³³ Достоевский, Ф. М. Братья Карамзовы. С. 312.

уезда Николай Протасов докладывал, что 14 июня 1869 года принял под свой духовный надзор крестьянку Ефросинью Изотову, на которую была наложена 25-летняя епитимья за убийство мужа и которая теперь живет в доме своего отца в приходе этого священника. Заметив (очевидно, по документам), что Ефросинья не была на исповеди в прошедшую Святую Четыредесятницу, он предложил ей исповедаться в Успенский пост, но «с удивлением» услышал, что она исповедовалась и даже причащалась в Оптиной пустыни у иеромонаха Пимена. Этот факт тем более озаботил отца Николая, что «многие в селе» не отмечены в исповедных росписях, при этом оправдываются тем, что были на исповеди в Оптиной. Однако – замечает иерей – ни исповедавшие, ни исповедавшиеся не сочли нужным первые дать, а вторые взять «письменные свидетельства» об этом. Есть и такие, которые, исповедавшись у приходского священника и причастившись, спешат снова говеть в Оптину. А это – применяет отец Николай тяжелую артиллерию – и вовсе не законно, так как, согласно Уставу духовной консистории, «пресвитер-монах исповедовать никого «из мирских» не должен без особого разрешения Архиерея»³⁴.

Сельские священники воспринимали делание оптинцев, окормление ими их прихожан как вторжение в сферу собственной компетенции и даже как нарушение закона. Причем такое недовольство оптинским «народным» старчеством со стороны окрестного духовенства имело место не только в 1860-е годы. Оно возникло буквально вместе с самим оптинским старчеством еще в 30-е годы XIX века. Безусловно, и без того напряженная ситуация усугублялась сословной неприязнью между белым и черным духовенством, которая нарастала на протяжении всего столетия. Консистория здесь оказывалась в роли арбитра, который не мог «снять» противоречия между сторонами возникшего и постоянно тлеющего конфликта, а мог только замять дело³⁵.

³⁴ Беглов, А. Л. Старчество в церковной традиции. Часть 7. Русское старчество XIX века: новое или святоотеческое? [Электронный ресурс] // Богослов.ру : науч. богослов. портал. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/449988.html> (дата обращения: 03.03.2017).

³⁵ Там же.

Местный архиерей видит в окормлении «народа» (то есть богомольцев, а не монахов), широко практиковавшемся оптинским старцем Львом, прежде всего, «непорядок», нарушение консисторского устава, пренебрежение распоряжениями начальства, но преподобный Лев не желает принимать такие «правила игры». Вопрос и ответ находятся в разных системах координат: синодальных предписаний, с одной стороны, и велений пастырской совести – с другой.

Как справедливо отмечает А.Л. Беглов, переписка об отлученной Ефросинье со всей отчетливостью показывает явную неудовлетворенность крестьян формально-синодальным благочестием, букву которого блюли их приходские священники. Как представляется, именно в этом следует искать причину «народности» русского старчества этого времени. И «гонения» на старчество, и конфликты оптинских наставников со своим епархиальным начальством или с духовенством соседних приходов были вызваны не столько «непониманием» сути старчества (как это часто объясняли ранние жизнеописания старцев), сколько тем, что старческое руководство, открытое для всех верующих, вступало в противоречие с нормами благочестия синодальной эпохи³⁶.

Как отмечает И.К. Смолич, не внутренняя логика развития духовного делания заставила старчество выйти за монастырские стены, а духовные потребности православного народа, переставшего находить удовлетворение в приходской жизни. Не старцы идут к народу, а народ начинает идти к духовным наставникам, стремясь найти и находя у них то, что раньше мог получить в полноценной приходской жизни, в общении со своим приходским священником:

«Возникает реакция на обмирщение: народ обращается к началу своего религиозного прошлого, к сути православной аскетики — духовному богатству опыта древних отцов. Старчество, первоначально

³⁶ Беглов, А. Л. Старчество в церковной традиции. Часть 7. Русское старчество XIX века: новое или святоотеческое?

сосредоточившееся внутри монастырских стен, выходит из монастырских ворот в мир. Но только в монастыре могло оно воспринять правильные религиозные идеи, чтобы руководить потом людьми в миру»³⁷.

В статье В.Д. Орловой, повествующей о нарастании негативных процессов в приходской жизни и сознании жителей Тамбовской губернии в период 1908-1917 гг. говорится о знании священником своего прихода благодаря наследованию места служения от отца-священника, преподаванию Закона Божия и земской и приходской школах, совершению таинств в семьях. При этом отмечается, что «церковное проповедничество не вполне достигает своей цели – религиозного просвещения и нравственного исправления прихожан...»³⁸. Более половины священников не вели катехизических бесед, что явлено и сегодня. Форма проповеди, продиктованная синодальными предписаниями, не позволяла священникам удовлетворить потребность малообразованных прихожан в оценке текущих общественных событий. Люди искали обратную связь, активного общения с пастырем в режиме вопросов и ответов. Вера Дмитриевна делает вывод, что между образованным духовенством и простым народом возник языковой барьер. После революционных событий 1905-1907 гг. некоторые священники Тамбовской губернии увещевали своих пасомых, разъясняя им вопросы текущего времени для успокоения, после чего те «стали трезвее смотреть на учение пропагандистов и уже критически относятся к подпольной литературе»³⁹.

Измученный физически и нравственно хозяйственными делами, требоисполнением и церковной службой священник не всегда находит время написать проповедь своего сочинения. В подобной обстановке некоторые клирики роняли свой авторитет. Ближе к событиям 1917 года в отчетах священнослужителей все больше говорится о взаимной недоверчивости

³⁷ Смолич, И. К. Жизнь и учение старцев : (путь к совершенной жизни) // Смолич, И. К. Русское монашество, 988–1917. Жизнь и учение старцев. Москва, 1999. С. 404. См. также: с. 439.

³⁸ Орлова, В. Д. Отражение в приходской жизни 1908–1917 годов признаков нарастания духовного кризиса Российского общества (по материалам Тамбовской епархии) // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. Тамбов, 2019. Вып. 6. В печати.

³⁹ Там же.

прихожан друг к другу, зависти, ссорах, своеволии, недоверчивости к своей вере, обрядам Церкви, охлаждению в почитании святынь, понижении нравственности. Народ забыл Заповеди Божии и редко посещает храм. Особенно охладел к вере мужской пол.

Выводы к 1 главе.

Отношения пастыря и паствы в художественном мире Фёдора Михайловича Достоевского передают атмосферу эпохи, когда приходское духовенство не всегда уделяет время церковной общине. Народ Божий в поисках духовного окормления устремляется в монастыри.

Таким образом, в своем творчестве писатель не обходит стороной пастырского служения. Мы видим разных священников: от ложных духовников до духовных отцов. Местами миряне также берут на себя функцию духовного окормления. Критически представлено западное духовенство.

В результате проведенного анализа составлена следующая система персонажей-духовных наставников:

	Тип пастыря	Персонаж и произведение	Характеристика
Пастыри	Старец-духовник	Иеросхимонах Зосима («Братья Карамазовы»); Епископ Тихон («Бесы»); Макар Долгорукий - «Подросток».	Обожженный, близкий к святости, духовный руководитель, прозорливый вследствие большого духовного опыта.
	Ученый монах	Иеромонахи Иосиф и Паисий («Братья Карамазовы»)	Сочетает высокий духовный уровень и глубокий интеллект, имеет дар духовного рассуждения и убеждения.

	Наставник-мирянин («царственное священство»)	Алеша Карамазов («Братья Карамазовы»), Соня Мармеладова («Преступление и наказание»), книгоноша Софья («Бесы»), Макар Долгорукий («Подросток»)	Не имеет священного сана; верный последователь учения Христова, своим жизненным подвигом подтвердивший истинность своей веры; способный привести к спасительному пути других.
	Священник-требоисполнитель	Безымянные священнослужители из произведений «Преступление и наказание», «Бесы», «Дядюшкин сон».	Зауряден и не обладает духовными дарами, способными повести пасомых по пути спасения; суть своего служения видит в совершении уставных богослужений и треб по просьбе паствы за вознаграждение; между ним и паствой существует трудно преодолимый психологический барьер.
Лжепастыри	Монах-лжеподвижник	Ферапонт («Братья Карамазовы»)	Ведёт отшельнический образ жизни, демонстрирует показное благочестие и аскетизм, тайный человеконенавистник, стремится к духовному наставничеству путем уличения ближних в грехах, пребывает в прелести (бесовидение), общение со «Святодухом».
	Западное духовенство	Молодой пастор («Идиот»), аббаты («Подросток», «Идиот»), Великий инквизитор («Братья Карамазовы»).	Искаженно трактует Священное Писание, отличается грубым нарушением Божьей заповеди о любви к ближнему, сильно подвержено влиянию мира, нередко пребывает в плену страстей и грехов.

Из приведенной таблицы видно, что идею истинного пастырства и духовного наставничества Ф.М. Достоевский связывает с Православной Церковью.

Глава 2. Изображение старчества как вершины пастырского служения в романе «Братья Карамазовы».

2.1. Старчество в традиции Древней Восточной Церкви и на Руси.

Для понимания места и значения старчества (духовного наставничества) в художественном мире Ф.М. Достоевского необходимо обратиться к истокам этого феномена.

В IV веке в древних восточных монастырях именем «духовный отец» (πνευματικὸς πατήρ) назывался старец, наставник инока, руководитель его в подвижничестве, который определялся индивидуально для каждого монаха. Признаками и одновременно функциями монастырского духовного отца были: старшинство (по возрасту и опыту); власть над учениками; руководство; воспитание; учительство; посредничество между Богом и иноком; искусство исповедовать, очищать совесть инока.

Профессор С.И. Смирнов, проанализировав контекст употребления, сделал вывод, что «духовный отец» в христианской письменности с IV по начало IX в. чаще всего обозначает монастырского старца, и «старчество – первобытная форма института духовного отца»⁴⁰. Старчество легло в основу всего строя монашеской жизни, представляя собой прочную цепь внутренних и внешних отношений монастырской общины, даже анахореты не чуждались старчества. Полную организацию старчество получает в общежительных монастырях, начиная с Киновии в Тавенниси, основанной преп. Пахомием Великим в IV веке. Старец был необходим иноку на всех ступенях подвижнической лестницы, при всех формах монастырской жизни. Двукратный Собор (861) вводит обязательность «восприемника» при пострижении – старца, «долженствующего приятии его к себе в послушание и имети над ним начальство и восприятии попечение о душевном его

⁴⁰ Смирнов, С. И. Духовный отец в Древней Восточной Церкви. Москва, 2003. С. 23.

спасении»⁴¹, то есть канонически закрепляет обязательность старца для каждого инока.

В свою очередь, инок самостоятельно избирает себе духовного наставника, но поставляет его в старческом звании и утверждает само избрание настоятель монастыря. Ученик должен был иметь полную веру, любовь, повиновение и послушание старцу, подобно заповедям Божиим, быть внимательным к его советам. Критика старца для ученика – страшный грех.

Главной силой, которая передавала старцу право на принятие им исповеди помыслов, была благодать Святого Духа. Старцы обладали определенными духовными дарованиями, в том числе даром различения духов, чтобы определять, от кого идут внушения: Святого Духа – Подателя жизни, или от духа злобы. Кроме знания Священного Писания и пастырской опытности, духовный наставник должен быть нравственным идеалом: иметь свидетельство любви к Богу, быть не рассеянным, не сребролюбивым, не озабоченным многим, безмолвным, боголюбивым, нищелюбивым, не гневливым, не памятозлобным, не тщеславным, не высокомерным, не лстивым, не изменчивым, сострадательным, ничего не предпочитал бы Богу.⁴²

Важным моментом в контексте настоящего исследования является тот факт, что в IX-XI вв. монахи начинают играть первенствующую роль в исповеди мирян, становясь их духовниками вместо пресвитеров. И в это время духовниками нередко были также простые старцы – монахи без пресвитерского сана, считающие себя обладателями *«власти ключей»* (правом разрешения от греха), а исповедь – сакраментальным действием. Церковь не признавала источником апостольской власти ключей дары Духа, а видела это призвание в иерархическом сане – епископском или пресвитерском.

⁴¹ Никодим (Милаш), сщисп. Правила Поместных Соборов с толкованиями [Электронный ресурс] // Азбука веры : православ. энцикл. URL: http://azbyka.ru/otechnik/nikodim_milash/pravila-pomestnyh-soborov-s-tolkovanijami/#0_302 (дата обращения: 08.12.2018).

⁴² Василий Великий, свт. О подвижничестве [Электронный ресурс] // Азбука веры : православ. энцикл. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Velikij/slova-o-podvizhnichestve/ (дата обращения: 09.12.2018).

Институт духовного отца в Восточной Церкви и Древней Руси формировался в XI-XII вв., соединяя в себе элементы старчества и священства. Резвившаяся монастырская исповедь и покаяние возвели значение старчества и института духовного отца. Из нравственного руководителя подвижников старец, он же духовный отец, превращается в пастыря для монастырской братии. При этом епископы мало вмешивались во внутреннюю жизнь монастырей.

Цель монашества – обожение – соединение духовной человеческой природы со Христом в Духе Святом, которое состоит не только нравственном преобразении, но и проникновении благодати Святого Духа в физическую природу. Физическое и духовное подвижничество как средства к очищению природы человека – самый удобный путь к ее обожению. Из-за этого в монашестве усматривали преимущество перед мирским состоянием. Обоженный подвижник становится богоносным, обладая духовными дарованиями: различения духов, победы над бесами, исцеления болезней, прорицания будущего. Тем самым, «на смену» мученичеству пришло монашество с харизматическим оттенком первых веков.

Представители церковной иерархии не сразу приняли этот харизматизм старчества, считая опасными мистические воззрения. (*ср. реакцию на старчество в XIX в.*). В г. Саид был даже собран собор для обсуждения действий и взглядов преп. Пахомия Великого. Однако старчество продолжило своё существование вплоть до наших дней. Оно не исчезло, когда нравы монашества падали, а высокие нравственные отношения ученика и старца становились малодоступными для большинства. Возможно, старчество не исчезло, потому что стало весьма популярным среди мирян уже в IV веке, но при этом не слилось с миром, как об этом пишет С.И. Смирнов.

Что же заставляло мирян, минуя своих местных пастырей, держать путь к монастырским старцам? По мнению С.И. Смирнова, это харизматизм

монашества: «монополия» на чудеса, исцеления, пророчества⁴³. Старцы были людьми огромного духовного опыта, а также носителями высоких моральных воззрений, присущих монашеству. Поэтому старцы были более приспособлены к пастырству, чем большинство епископов и пресвитеров. Кроме того, покаяние и исповедь в монастыре были более удобны для мирян: исповедь была тайная, о ней знал только старец, который хранил тайну. Покаяние мирян в монастыре предполагало послабления, в отличие от тяжелого церковного. Случаи исповеди монахов перед белым священником и епископом не известны ни в Восточной Церкви, ни в Древней Руси.

Слово «духовник» употребляется в русских источниках лишь с начала XV в⁴⁴. Из Греции институт духовничества проник в южнославянскую Церковь. У недавно принявшего Крещение народа не было развито монашество, поэтому роль духовников начали выполнять белые священники. Белое духовенство, получив однажды право на исповедь, никогда больше не теряло его.

Русское духовничество изначально не имело той близости к монашеству, как это было в Греции. В XII в. древнерусские духовники всегда имели пресвитерский сан, причем среди них были не только иеромонахи, но и белые священники. Возможно, до XII в. существовал отдельный класс духовников, но он исчез очень рано. Первый духовник, упоминаемый в древнерусских памятниках – преподобный Феодосий Печерский, который считал, что духовным отцом братии должен быть игумен монастыря. Преподобный не запрещал игумену иметь духовных детей среди мирян, которых преподобный также исповедовал сам, являясь для них нравственным руководителем. Есть сведения, что, помимо игумена, духовниками в Печерской обители могли быть монахи, имеющие пресвитерский сан, но нет

⁴³ В этом отличие старца Достоевского. Он дает исцелению естественный ход, прозорливости – опыт, чуду внешнему противопоставляется чудо преображения души.

⁴⁴ Смирнов, С. И. Древнерусский духовник. М., 2004. С. 21.

исчерпывающих данных о том, было ли возможно духовное наставничество без пресвитерского сана.

На большей части территории России духовник и приходской священник не был одним лицом. При этом прихожане могли выбирать себе духовника либо из приходских, либо из монастырских. В русские монастыри издревле приходили исповедоваться миряне, в том числе и женщины. Но со второй половины XVII века (еще до реформ Петра I) церковная власть начала настоятельно запрещать монахам исповедовать мирян, особенно женщин, во избежание соблазна.

У русских князей до XV в. духовниками были и белые священники, и монахи. В XV в. московские великие князья исповедовались у игуменов и архимандритов Спасского московского монастыря; с начала XVI-XVII в. – у протопопов Благовещенского собора г. Москвы.

Нравственное положение духовника в Древней Руси было очень высоко. В одном из чинов исповеди запечатлен момент передачи грехов кающегося духовнику: «На моей выи согрешения твоя, чадо»⁴⁵. Здесь наблюдается сходство со старческой исповедью на Древнем востоке, хотя чин мог развиваться и самостоятельно. Поэтому для Руси были всегда характерны духовники, имеющие в себе старческую природу. Духовный отец был неограниченным и безусловным нравственным руководителем своих духовных детей, подобно игумену или старцу в монастыре. Авторитет духовника был столь высок, что священник–«сын» не мог исповедовать своего духовного отца. В XX в. мы видим противоположное явление: во время большевистских гонений в одной тюремной камере священники становились духовниками друг у друга, взаимно принимая исповеди⁴⁶.

По мнению проф. С.И. Смирнова, мировоззрение новгородских духовников XII в., и конкретно знаменитого Кирика, имело большое распространение по всей Руси вплоть до XVII вв. включительно. Для него

⁴⁵ Смирнов, С. И. Древнерусский духовник. С. 75.

⁴⁶ Афанасий (Сахаров), сщисп. Письма о духовной жизни. М., 2009. С. 171

были характерны следующие черты: точная регламентация житейского обихода верующего, ревнивая охрана христианской святости от нечистого человека, безусловное значение поста, формально-юридический характер христианского подвига. Такое чисто русское мирозерцание, характерное для изначально языческого, недавно обращенного народа, продержалось семь столетий.

Старообрядцы сыграли решающую роль в реформировании института духовничества на Руси. Они не исповедовались у приходского священника, мотивируя свой отказ тем, что их духовный отец находится далеко. Ответной мерой стал указ Сената и Синода 1722 г., которым предписана обязательная исповедь у местного приходского священника, даже для тех лиц, которые находились более года в отлучке и исповедовались на стороне. Авторитет духовных чад протопопа Аваакума в народе показал, что через духовного отца раскол не столько врачует, сколько распространяется. В итоге к середине XVIII века верующие были лишены свободы выбора духовника, «покаяльная семья» стала представлять собой не добровольно объединившихся около духовного руководителя верующих, а церковно-административную единицу – приход. И лишь спустя столетие верующий народ снова начал искать в старце не столько «разрешителя греха», сколько духовного отца, наставника и советчика.

Более подробно рассматривает явление старчества в XIX в. современный исследователь, историк религии А.Л. Беглов. Автор изучил воззрения многих ученых, занимавшихся данной темой, в большинстве случаев опираясь на исследования киевского профессора В.И. Экземплярского. По наблюдениям Беглова, старчество – «сугубо православная монастырская практика» в XIX в., которая нуждается в апологии. Автор отмечает развивающийся конфликт русского старчества в отношениях с епархиальной центральной церковной властью, с местным белым духовенством и с учениками. Вместе с тем он констатировал, что «церковная литература XIX-XX веков не давала

развернутого, богословски выверенного определения старца и старчества»⁴⁷. Хотя в художественной литературе подобную задачу решает Ф.М. Достоевский в романе «Братья Карамазовы».

В XX веке попытку дать исчерпывающее определение старчеству предприняли И.К. Смолич и И.М. Концевич. Первый рассматривает русское старчество в контексте старчества византийского: как ветвь древа христианской аскетики и мистики. Для второго старчество - путь духовного трезвения, вместе с молитвой ведущий человека к бесстрастию. Опираясь на выводы, сделанные профессором В.И. Экземплярским, А.Л. Беглов дает определение: «старчество – это православная аскетическая практика, заключающаяся в обращении новоначального инока к духовному руководству более опытного подвижника»⁴⁸. Среди христианских аскетических практик он называет молитву, духовное окормление, чтение Священного Писания и писаний святых отцов, внешние подвиги (бдение, пост и др.). Старчество – одна из таких практик. Старцы – монашествующие священники – наиболее распространенный тип наставников в новейшей истории старчества; старцы-монашествующие, не облеченные саном – самый древний тип руководителей. Подлинный старец - опытный духовный руководитель, лично прошедший по пути духовного восхождения и способный поделиться этим опытом с другими. Старчество существует только тогда, когда есть учитель и ученик. В обители прп. Сергия Радонежского практиковалось исповедование помыслов⁴⁹, указывающие на существование практики старческого окормления, адресованного монахам, и в этом плане родственном старчеству византийскому. Профессор Беглов отличает окормление посетителей-мирян при прп. Сергии от «выхода в мир», характерного для русского старчества в XIXв.

⁴⁷ Беглов, А. Л. Старчество в церковной традиции. Ч. 2. В поисках определения [Электронный ресурс] // Преображенское братство : [сайт]. URL: <https://psmb.ru/a/aleksey-lvovich-beglov-starchestvo-v-cerkovnoy-tradicii.html> (дата обращения: 17.10. 2018).

⁴⁸ Беглов, А. Л. Старчество в церковной традиции. Ч. 3. Духовное руководство как элемент христианского аскетизма.

⁴⁹ Там же. Ч. 6. Когда старчество появилось на Руси?

Русское старчество, появившись на Руси вместе с монашеством, возвращается в русских монастырях, затем (как и монашество) испытывает последствия монгольского разорения и расцветает ближе к XIV в. с особножительных монастырях. Исследования XX в. в области старчества позволяют утверждать, что влияние прп. Паисия (Величковского) на изучаемый феномен складывалось благодаря подготовленной почве. В XVIII в. после секуляризации монастырских имений в дальних обителях складывалась идентичная старческая традиция, не связанная с прп. Паисием. Среди представителей этой традиции А.Л. Беглов называет преподобных Зосиму Верховского и Василиска Туринского, иеромонаха Адриана Югского, преподобную Ардалиону (Игнатову), преподобного Серафима Саровского и др.

В.И. Экземплярский считал, что Русское старчество не похоже на восточное своей «связью с миром». «Народность» осознавалась им как отличительная черта русского старчества рубежа XIX-XX веков. Основная причина народной любви – «неудовлетворенность крестьян формально-синодальным благочестием»⁵⁰. Например, в Оптиной пустыни инициатива общения со старцами исходила от богомольцев, а не от старцев. Как считает И.К. Смолич, русский народ перестал находить духовное утешение в приходской жизни и стал искать его в монастырях у старцев.

Церковные реформы, по мнению А.Л. Беглова, сделали храм местом «духовного» надзора за паствой, сокращение имущественных, а вместе с ними финансовых полномочий сделало невозможным участие белого духовенства в образовательных и благотворительных делах. На приходе осталось лишь богослужение. Все это, а также само сословное духовенство стало чуждым народу. В поиске подлинной духовной жизни верующие стали тяготеть к монастырям, а в них отыскивать опытных духовных наставников. Старцы восполняли недочеты своих собратьев – приходских священников, которые на

⁵⁰ Беглов, А. Л. Старчество в церковной традиции. Ч. 7. Русское старчество XIX века : новое или святоотеческое?

исповеди задавали несколько формальных вопросов, не входя в положение, обстоятельства и душевное состояние исповедующихся.

2.2. Образ старца Зосимы как центра духовной жизни в романе «Братья Карамазовы».

Образ иеросхимонаха Зосимы является духовным центром и воплощением авторского идеала в романе «Братья Карамазовы». Художественная система произведения выстроена вокруг монастыря, что в полной мере соответствует традиционному укладу русской жизни, в которой храм, особенно монастырь, были источником просвещения и нравственного воспитания для жителей всех окрестных деревень. Поэтому большинство действующих лиц в романе, так или иначе, пересекаются со старцем Зосимой, либо соприкасаются с ним опосредованно, и общение со старцем накладывает свой отпечаток на каждого героя в отдельности. Лишь немногие персонажи (например, Смердяков) вовсе не пересекаются со старцем. Они олицетворяют собой новую эпоху богоборчества и человеконенавистничества, предчувствие которой отражено в романе (убийство совершает и искусно скрывает именно Смердяков, который ни разу не приближается к монастырю).

Автор называет иеросхимонаха Зосиму старцем. Иеросхиомонах – это священник в монашеском постриге, и не только в монашеском, но еще и в схимническом, в великом ангельском образе, при котором человек даёт обет отречения от мира и всего мирского. Но при этом в романе видим обратную картину: отец Зосима принимает мирских посетителей, угощая их чаем с вареньем. Однако, здесь нет никакого противоречия, потому что отец Зосима – старец. Этим древним словом, которое появляется еще в древности, и которое вновь становится востребованным в современном Достоевскому веку, автор и обозначает священнослужителя-проповедника. Русское старчество не замыкается в монастыре, но «выходит» в мир, беседуя с мирянами, а не только с иноками. Исследователи феномена старчества В.И. Экземплярский и А.Л.

Беглов усматривают в этом самобытность русского старчества, однако, и старчество Древней церкви было «выдвинуто» в мир, благодаря странноприимничеству и возрастающей роли монашества.

Внешняя обстановка кельи старца не противоречит великой схиме: «Это была очень маленькая комнатка с необходимой мебелью; кровать была узенькая, железная, а на ней вместо тюфяка один только войлок»⁵¹. Физическое истощение от сопереживания людского горя делает старца в возрасте шестидесяти лет гораздо старше указанного возраста. Такие примеры также известны из жизни святых подвижников. Например, уже упомянутый нами преподобный Амвросий Оптинский, принявший в возрасте 38 лет великую схиму, еще при жизни преподобного Макария с его благословения принимал некоторых из братии для откровения помыслов. О физическом изнеможении старца Амвросия может свидетельствовать портрет подвижника, выполненный иеромонахом Даниилом (Болотовым).

Остановимся на положении старца в монастыре. Подобно традиции древнего старчества, иноки ежедневно после вечерней службы стекаются на беседу к старцу. Однако для беседы со старцем в древности не характерно было исповедовать помыслы вслух. Именно старческая исповедь со временем вытеснила, как мы это видим из предыдущих параграфов, публичную покаянную дисциплину, во главе которой стоял епископ. Здесь мы видим особенность, которую генерирует сам автор, опираясь на практику Оптинского монастыря. Но если, например, в IV в. публично каялись в смертных грехах (идолопоклонство, блуд, убийство), то здесь автор изображает исповедование вслух скорее помыслов, спорных ситуаций. Неслучайно автор обозначает слово «исповедь» в кавычках. И когда одна из верующих женщин собирается покаяться в тяжком грехе, старец выслушивает её на ухо. Поэтому в общении Зосимы с людьми нет нарушения канонической покаянной дисциплины, против чего и высказывается Фёдор Карамазов:

⁵¹ Достоевский, Ф. М. Братья Карамазовы. С. 98.

«Исповедь есть великое таинство, пред которым и я благоговею и готов повергнуться ниц, а тут вдруг там в келье все на коленках и исповедуются вслух. Разве вслух позволено исповедоваться? Святыми отцами установлено исповедание на ухо, тогда только исповедь ваша будет таинством, и это издревле»⁵².

В романе указана цель такого исповедования: «Кто искренно вошёл в эти стены, чтобы спастись, для тех все эти послушания и подвиги окажутся, несомненно, спасительными и принесут им великую пользу»⁵³. Иными словами, Зосима видит главную цель своих бесед с посетителями в том, чтобы, опираясь на их искреннее желание и добрую волю, наполнить их души божественной благодатью.

Фрагменты наставлений старца пронизывают весь роман. Например, старец говорит о «слезах тихого умиления и сердечного очищения, от грехов спасающего». Подобные чувства, созвучные заповеди блаженства (Мф.5:4), характерны и для Алеши Карамазова, который является достойным преемником своего духовного отца. Старец кажется веселым, он признаётся, что «для счастья созданы люди». Здесь вспоминается нагорная заповедь «Радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесех» (Мф.5:12). Автор несколько раз подчеркивает духовную пасхальную радость старца: «Пусть мирские слезами провожают своих покойников, а мы здесь отходящему отцу радуемся. Радуемся и молим о нём»⁵⁴. Здесь вспоминаются слова Спасителя «предоставь мертвым погребать своих мертвецов, а ты иди, благовествуй Царствие Божие» (Лк.9:60).

В романе есть немаловажная деталь, у самого старца Зосимы также есть духовник, то есть он не чуждается исповеди, причем приносит свое покаяние перед младшим по рангу священником. Эта деталь подчеркивает сразу две добродетели старца – кротость и смирение, образец которых дал сам

⁵² Достоевский, Ф. М. Братья Карамазовы. С. 112.

⁵³ Там же. С. 196.

⁵⁴ Там же. С. 99.

Спаситель, омывший на Тайной Вечере ноги своим ученикам: «Потом влил воды в умывальницу и начал умывать ноги ученикам и отирать полотенцем, которым был препоясан» (Ин.13:15), и заповедавший: «Кто хочет быть первым, будь из всех последним и всем слугою» (Мк.9:35).

Старец несколько раз указывает, что «дни его сочтены». Однако на это не все слышат, и соблазняются на тлетворный дух после кончины подвижника.

Иеросхимонах Зосима перед своей смертью собирает монастырскую братию с целью еще раз наставить, научить, духовно укрепить. Суть его духовного завещания состоит в следующем:

- любовь к ближним, особенно к народу Божьему (не затворяться от народа, а наоборот);
- «каждый единолично пред всеми людьми за всех и за вся виноват»;
- ощущать виновность каждого за всех и за вся: любовью возможно «омыть все мировые грехи»;
- «всяк себе исповедуйся неустанно»;
- возможность прощения любого греха, но лишь с условием покаяния;
- не гордиться и не ненавидеть «отвергающих вас, позорящих вас, поносящих вас и на вас клеветующих» (ср. Заповеди Блаженства);
- возможность поминовения за молитвой тех, за кого некому молиться; возможность спасения тех, кто не хочет молиться;
- «не отдавать стада пришельцам»;
- толкуйте Евангелие неустанно;
- «не лихоимствуйте»;
- «сребра и золота не любите, не держите» (нестяжание – наставление для монашествующих).

Для Алёши старец Зосима – духовный отец. Первый проживает в его келье, помогает старцу, держится его наставлений, старец же руководит. Вот несколько весьма важных указаний по ходу романа, которые определяет старец Алёше:

- по смерти старца выйти из монастыря;
- быть около братьев, «да не около одного, а около обоих».

Ф.М. Достоевский развивает тему крестного страдания, без которого невозможно воскресение человека. У Маркела (старшего брата старца Зосимы) ухудшается здоровье на шестой неделе Великого поста. Эта Неделя - Вход Господень в Иерусалим для страданий и крестной смерти.

Следует еще провести параллель со Спасителем, Который призывает своих апостолов бодрствовать, ибо близится час Его крестных страданий. Но ученики засыпают во время «моления о чаше», а в момент ареста Иисуса Христа разбегаются в страхе. Апостол Петр, клявшийся в верности, отрекается от Учителя. Большинство же людей, с восторгом внимавших словам Спасителя и ожидавших все новых чудес, соблазняются и утрачивают веру.

В романе просматриваются параллели с евангельским сюжетом: Зосима тоже дает наставления монастырской братии, но они забывают о них, так как ожидаемого ими чуда «нетленного тела» старца они не увидели. Алеша, считавшийся, подобно апостолу Петру, самым преданным учеником Зосимы, бежит из монастыря, не выдержав психологически всеобщего неверия. После смерти старца «тлетворный дух» от его тела большинство воспринимает как знак его позора. Здесь усматривается параллель с крестной смертью Спасителя, которую считали позорной в древнем мире, но именно Крестные Страдания приводят к Воскресению. Не случайно Алеша в своем сне у гроба старца видит своего учителя воскресшим на трапезе в Кане Галилейской.

Преподобный Иустин (Попович) относит старца Зосиму к христоликим героям Достоевского⁵⁵. Это богочеловек, обожженный, через которого действует Лик Христов. По мнению святого Иустина во всех книгах Ф.М. Достоевского Христос – настоящий, периодически невидимый центр. Заслуга писателя в том, что в его произведениях присутствует ощущение живого Христа. Творчество Достоевского пронизано светом Образа Христова. Старец

⁵⁵ Иустин (Попович), прп. Философия и религия Достоевского. Минск, 2014. С. 18.

Зосима и другие христоликие герои, которые не доказывают, а показывают существование Бога, являясь орудием писателя в скрытом донесении до читателя света Образа Христова. Поэтому старец Зосима невидимо - в центре, через него проходят сюжетные линии, духовные наставления. Для писателя Зосима – настоящий христоликий православный святой необычайной красоты и притягательности, про которых Федор Михайлович писал, что они «положительные характеры несказанной красоты и силы», «они вожди, и нужно, чтобы мы ведомы были ими, как блудные сыновья»⁵⁶. Старец Зосима постепенно преображает личность Алеши, формирует ее по Образу Христову, с помощью добродетелей развивает богообразную сущность души Алеши.

Выводы по 2 главе.

Завершая рассмотрение центрального персонажа романа «Братья Карамазовы», можно сделать следующие выводы.

Образ иеросхимонаха Зосимы является духовным центром и воплощением авторского идеала в романе. Художественная система произведения выстроена вокруг монастыря, что в полной мере соответствует традиционному укладу русской жизни, в которой храм, особенно монастырь, были источником просвещения и нравственного воспитания для жителей всех окрестных деревень. Поэтому большинство действующих лиц в романе, так или иначе, пересекаются со старцем Зосимой, либо соприкасаются с ним опосредованно, и общение со старцем накладывает свой отпечаток на каждого героя в отдельности.

Лишь немногие персонажи (например, Смердяков) вовсе не пересекаются со старцем. Они олицетворяют собой новую эпоху богоборчества и человеконенавистничества, предчувствие которой отражено

⁵⁶ Иустин (Попович), прп. Философия и религия Достоевского. С. 220.

в романе (убийство совершает и искусно скрывает именно Смердяков, который ни разу не приближается к монастырю).

Выявленные аналогии евангельского повествования и раскрытия образа Зосимы в романе «Братья Карамазовы» подчеркивают непреходящую нравственную ценность Христова учения. Сходство образа старца Зосимы со святыми отцами и современными автору подвижниками Православной Церкви является доказательством возможности сохранения чистоты учения Христова в мире, который кажется поработанным грехом.

Глава 3. Особенности восприятия духовного руководства как основа психологической характеристики личности и общества в творчестве Ф. М. Достоевского.

3.1. Духовная природа социально-политического нигилизма в романе «Бесы».

В романе «Бесы» Достоевский дал оценку нигилизму на уровне духовной болезни: атеизма и безверия. Название романа является прямым указанием на духовный характер будущей революции: бесы завладевают душами соблазвившихся революционной утопией людей и легко не отпустят свою жертву. Для освобождения от власти тьмы необходимо очищение ума и сердца от губительных страстей, к которому далеко не все готовы. В письме к А.Н. Майкову писатель объясняет, что «бесы вышли из русского человека и вошли в стадо свиней, то есть в Нечаевых, в Серно-Соловьевичей и проч. Те потонули или потонут наверно, а исцелившийся человек, из которого вышли бесы, сидит у ног Иисусовых»⁵⁷. Достоевский безусловно верил, что Россия исцелиться от этих недугов.

Убийство группой Нечаева в Москве студента Иванова стало основой одной из сюжетных линий романа – убийства Верховенским Шатова. Однако Верховенский вторичен, ибо обладает натурой несамобытной. Истинный источник всех бед, всего совершающегося абсурда таится в натуре центрального персонажа – Николая Ставрогина (подобно как Иван Карамазов стал источником духовного повреждения для Смердякова).

Ставрогин в системе образов романа позиционируется как «человекобог», сюжетно как бы отстраненный революционной идеи. Когда-то

⁵⁷ Письмо Майкову А.Н. 9 (21) октября 1870. Дрезден. [Электронный ресурс] // DOSTOEVSKIY-LIT.RU: [сайт]. URL:<http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/pisma-dostoevskogo/dostoevskij-majkovu-9-oktyabrya-1870.htm>(дата обращения: 29.11.2018)

он участвовал в организации революционного кружка, сочинив ее «катехизис», но более от скуки, чем по убеждённости. Его разум способен подбросить Верховенскому идею убить Шатова. Принимающий «исповедь» епископ Тихон дает следующую характеристику Ставрогину: «Великая праздная сила, ушедшая нарочито в мерзость»⁵⁸.

Николай Ставрогин скрытыми таинственными связями соединен со всеми действующими лицами романа, и именно его действия в финале романа становятся катастрофой города. Мочульский утверждает, что «Ставрогин – их учитель, их вождь и господин. Все они живут его жизнью; это – его идеи, получившие самостоятельное существование»⁵⁹. Большинство персонажей восхищаются Ставригиным и ищут его поддержки в реализации своих низменных потребностей (Шатов и Кириллов), готовы подчинить свою воле его. «Вы мой идол!» – вопит Петр Степанович⁶⁰.

По мнению М.М. Дунаева, «в Ставригине произошло смешение добра со злом – бес принял облик ангела»⁶¹. Ставригин не совершил настоящих исповеди и покаяния. Он все делает по гордости, равнодушию к жизни и теплохладности, которую замечает в нем епископ Тихон.

Николай Ставригин испытывает чувство постоянного надрыва, выражаемого в жестокости к людям. Ставригин решил на очищение души покаянием, и со своей напечатанной в типографии исповедью явился к пребывающему на покое архипастырю Тихону, который сразу предугадал стремление «кающегося» совершить самоубийство.

Разъясняя тип Ставригина, Достоевский утверждал: «...Это целый социальный тип (в моём убеждении), наш тип, русский, человека праздного, не по желанию быть праздным, а потерявшего связи со всем родным и, главное, веру, развратного из тоски, но совестливого и употребляющего страдальческие судорожные усилия, чтобы обновиться и вновь начать верить.

⁵⁸ Достоевский, Ф. М. Бесы. Неизданная глава «У Тихона» [Электронный ресурс] // LIB.RU : [сайт]. URL: http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/text_0080.shtml (дата обращения: 24.11.2018).

⁵⁹ Мочульский, К. Бесы // Ф. М. Достоевский и Православие. С. 179.

⁶⁰ Достоевский, Ф. М. Бесы // Соч. : в 12 т. Москва, 1982. Т. 8. С. 404.

⁶¹ Дунаев, М. М. Православие и русская литература. Ч. 3. С. 415.

Рядом с нигилистами это явление серьёзное. Клянусь, что оно существует в действительности. Это человек, не верующий вере наших верующих и требующий веры полной, совершенной, иначе...⁶²». О Ставрогине точно заметил Кириллов: «Ставрогин если верует, то не верует, что он верует. Если же не верует, то не верует, что не верует⁶³».

По свидетельству писателя, Верховенский, отец Петруши и воспитатель Ставрогина, был духовным предтечею тех, кто затем отверг его и посмеялся над ним заодно. Смех Верховенского-сына сродни дьявольскому смеху Ивана Карамазова, и одной с ним природы. Вершители революции предложат себя вместо Христа. Давнее пророчество Достоевского начинает сбываться: вызванные интенсивными мечтаниями из небытия гадкие двойники сумеют вытеснить из реальности тех, кто их же и породил.

В среде нечаевцев-верховенцев отсутствует братство: в «катехизисе» Нечаева возможность помощи товарищу определяется соображениями выгоды от дела. В корне действий Верховенского и его группы – озлобленность по отношению к России, пригодной, по их мнению, лишь к разрушению. У Петруши гадкое презрение ко всему. Шатов точно оценивает нигилистов: «Они первые были бы страшно несчастливы, если бы Россия как-нибудь вдруг перестроилась, хотя бы даже на их лад, и как-нибудь вдруг стала безмерно богата и счастлива. Некого было бы им тогда ненавидеть, не на кого плевать, не над чем издеваться! Тут одна только животная, бесконечная ненависть к России, в организм вьезшаяся... И никаких невидимых миру слёз из-под видимого смеха тут нету!⁶⁴».

Роман «Бесы» содержит ряд пророчеств, раскрывающих закономерности революционной смуты. Для Достоевского проблема русской революции, русского нигилизма и социализма, религиозного по существу, –

⁶² в письме Н. А. Любимову в марте 1872 года. [Электронный ресурс] // DOSTOEVSKIY-LIT.RU : [сайт]. URL: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/pisma-dostoevskogo/dostoevskij-lyubimovu-konec-marta-1872.htm> (дата обращения: 29.11.2018).

⁶³ Достоевский, Ф. М. Бесы. Т. 9. С. 155.

⁶⁴ Достоевский, Ф. М. Бесы. Т. 8. С. 134.

это вопрос о Боге и о бессмертии⁶⁵», - отмечал Бердяев. Верховенский начинает с атеизма: с осквернения почитаемой в городе иконы Богородицы, в киот которой он пускает через разбитое стекло живую мышь. Достоевский предупреждает: в смуту прежде ринутся те, кто не способен к реальному делу, кто остался на обочине жизни. Петр Верховенский признается Ставрогину: «Слушайте, я их всех сосчитал: учитель, смеющийся с детьми над их Богом и над их колыбелью, уже наш. Адвокат, защищающий образованного убийцу тем, что он развитее своих жертв и, чтобы денег добыть, не мог не убить, уже наш. Школьники, убивающие мужика, чтоб испытать ощущение, наши. Присяжные, оправдывающие преступников сплошь, наши. Прокурор, трепещущий в суде, что он недостаточно либерален, наш, наш. Администраторы, литераторы, о, наших много, ужасно много, и сами того не знают! <...> Русский Бог уже спасовал перед «дешовкой». Народ пьян, матери пьяны, дети пьяны, церкви пусты, а на судах: «двести розог, или тащи ведро». О, дайте возрасти поколению! Жаль только, что некогда ждать, а то пусть бы они ещё попьаннее стали! Ах, как жаль, что нет пролетариев! Но будут, будут, к этому идёт...»⁶⁶.

В контексте приведенного рассуждения литературоведы и богословы задаются вопросом: существует ли выход из этого крайнего нигилизма. Протоиерей Георгий Флоровский вынес суждение, что Достоевский «остается утопистом, продолжает верить в историческое разрешение жизненных противоречий. Он надеется и пророчит, что «государство» обратится в Церковь, – в этом Достоевский оставался мечтателем⁶⁷». М.М. Дунаев не соглашается с Г.М. Фридлендером, утверждавшим, что «общественный идеал Достоевского <...> до конца жизни совпадал с общим идеалом социалистов и революционеров его и нашей эпохи, а не с воззрениями тогдашней и

⁶⁵ Бердяев, Н. А. Духи русской революции // Сборник статей о русской революции (1918) Из глубины [Электронный ресурс] // AZBYKA.RU : [сайт] URL: <https://azbyka.ru/otechnik/6/iz-glubiny/2#note18> (дата обращения: 28.11.2018).

⁶⁶ Достоевский, Ф. М. Бесы. Т. 8. С. 406.

⁶⁷ Флоровский Георгий, протоиер. Пути русского богословия [Электронный ресурс] // AZBYKA.RU : [сайт] URL: https://azbyka.ru/otechnik/Georgij_Florovskij/puti-russkogo-bogoslovija/ (дата обращения: 28.11.2018).

современной реакции⁶⁸». По мнению профессора, между ними нет и не может быть ничего общего. Идеал Достоевского, христианский по природе, есть идеал соборного единства на основе двуединой заповеди Христа о любви к Богу и человеку как Его творению, несущему в себе образ Божий. Идеал революционеров – социальное безбожное механическое объединение людей на бессодержательных началах свободы, равенства и братства. Достигнуть братства во Христе возможно лишь путём внутренне свободного духовного совершенствования человека на основе призываемой благодати Божией. Революционный идеал предполагает, напротив, достигнуть справедливости в понимании ее идеологов путём внешнего своевольного насилия и уничтожения всех, тому противящихся.

Надежду на осуществление идеала писатель основывал на своём видении народной жизни. Это и есть то положительное начало, какое автор «Бесов» противопоставил разгулу бесовского нигилизма в романном пространстве. Положительные герои романа: духовидец Тихон, нравственно противостоящий «верховенцам» Хроникёр, идейно противостоящий, хотя и колеблющийся, Шатов. «Говорящая» фамилия Шатова подчеркивает шаткость и неустойчивость его новых взглядов. Разработку положительного героя Достоевский начал в главе «У Тихона» с идеей воплотить в романе фигуру святителя Тихона Задонского. Но в «Бесах» эта задача была намечена контурно, однако, духовную глубину старца писатель передал. Тихон предстаёт смиренным духовидцем, разгадавшим то, что, укрывалось в душе Ставрогина и от него самого.

Таким образом, писатель в данном романе остается на позиции естественного исцеления от бесовства путем приобщения к истокам православной духовности и принятия сердцем высочайшего идеала Иисуса Христа. Однако никто из героев не способен воспринять этот идеал, который пытается проповедовать смиренный епископ Тихон.

⁶⁸ Дунаев, М. М. Православие и русская литература. Ч. 3. С. 440.

3.2. Парадигма духовной жизни общества в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»

Ф.М. Достоевский является одним из немногих писателей XIX века, кто затрагивает тему нравственного и духовного руководства в литературе. Художественный метод Достоевского – «реализм в высшем смысле» – основан не только на изображении видимой жизни человеческой души, но и раскрытии корней этой жизни. «У меня, – отмечал писатель, – свой особенный взгляд на действительность (в искусстве), и то, что большинство называет почти фантастическим и исключительным, то для меня иногда составляет самую сущность действительного. Обыденность явлений и казенный взгляд на них, по-моему, не есть еще реализм, а даже напротив»⁶⁹. Романы писателя по-настоящему передают духовную атмосферу современной ему эпохи, в которой образовалась огромная пропасть, разделившая высшее «по-европейски настроенное» общество с народом.

Писатель обращается к идее изображения *величавой, положительной, святой фигуры*, которая выполняет роль нравственного и духовного руководителя, в которой, по словам М.М. Дунаева, следует искать идеал русского национального характера.⁷⁰ Герои этого типа находят воплощение в романе «Подросток» в образе Макара Долгорукого, в «Бесах» – архиерея Тихона, в «Братьях Карамазовых» – отца Зосимы. Так отзывается о своём духовном наставнике, старце Зосиме, главный герой романа Алёша: «Всё равно он свят; в его сердце тайна обновления для всех, та мощь, которая установит наконец правду на земле, и будут все святы, и будут любить друг друга, и не будет ни богатых, ни бедных, ни возвышающихся, ни униженных, а будут все как дети Божии и наступит настоящее царство Христово».⁷¹ Эта тайна сердца – Иисус Христос.

⁶⁹ Тарасов, Б.Н. Достоевский. // Православная энциклопедия. Москва, 2004. Т. 16, С. 88.

⁷⁰ Дунаев, М. М. Православие и русская литература. Ч. 3. С. 549.

⁷¹ Достоевский, Ф. М. Братья Карамазовы. С.42-43.

Необходимо отметить, что под старцем в романе понимается не человек преклонного возраста, а духовное лицо, иеросхимонах, которому открывают свои помыслы монахи в монастыре, и к которому обращаются за советом дворяне и простой народ. Глава «Верующие бабы» не описывает таинства покаяния для мирян: несмотря на то, что отец Зосима выходит к народу в епитрахили, он молится лишь над местной кликушей, которую давно знает и которой такая молитва помогает. Отец Зосима уточняет у одной из посетительниц, говорила ли она о своем грехе на исповеди и допускали ли её к причастию. Это характерная черта именно древневосточных старцев, которые беседовали, не имея священнического сана, но со временем стали, в том числе, исповедовать. Русское старчество, описываемое в романе в лице Зосимы, как и восточное старчество эпохи Вселенских Соборов, направлено на духовное руководство не только в монастыре, но и в миру⁷².

В романе показаны три типа восприятия духовного руководства: 1) отвержение, насмешка; 2) легкомысленное, экзальтированное восприятие; 3) полное приятие, смиренномудрие.

В романе, старец Зосима даёт нравственные наставления своим посетителям, в том числе, главным действующим лицам и простому народу. Старец по сюжету является персонажем эпизодическим, но в сценах с его участием он выступает ключевой фигурой. В самом начале романа, после жизнеописания главных действующих лиц, писатель «собирает» всех в келье Зосимы для разрешения некоторых вопросов, связанных с наследством Дмитрия Фёдоровича Карамазова. На этой встрече старец призывает главу семейства Фёдора Карамазова не предаваться пьянству и словесному невоздержанию, сладострастию, обожанию денег, советует закрыть питейные дома, не лгать.

Из романа мы узнаём, что ни одно из этих наставлений не выполнено. Федор Павлович то и дело подходит к шкафчику с коньячком, вновь и вновь

⁷² Смирнов, С. И. Духовный отец в Древней Восточной Церкви. Москва, 2003. С. 528.

устраивает сценки на обеде у игумена монастыря, ожидает в своем доме Грушеньку, то есть предаётся сладострастию. Он по-прежнему скуп: не отдает сыну Дмитрию «роковые» три тысячи рублей, тем самым провоцируя угрозу для своей жизни. Само собой, нигде в тексте мы не видим, чтобы Федор Павлович закрывал питейные дома. Последний факт имеет отправление к евангельскому тексту: «Горе миру от соблазнов, ибо надобно прийти соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазн приходит» (Мф. 18,7). Печальный итог для Фёдора Павловича Карамазова – смерть от рук собственного внебрачного сына лакея Смердякова. Аналогию можно провести с романом «Бесы», где Ставрогин, отвергая духовное наставление архиерея Тихона, совершает самоубийство.

В поведении же Федора Павловича выявляется мотив антиисповеди: вместо того, чтобы исповедовать свою жизнь, свои мысли, быть максимально откровенным, он оправдывает свои пороки. Не случайно, обмолвившись, Фёдор Павлович Карамазов называет себя отцом лжи. Мы знаем, кто подразумевается под этим определением: «Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи» (Ин. 8:44).

Поступки Фёдора Павловича противоположны смыслу евангельской притчи о блудном сыне, в которой отец принимает долго странствовавшего и расточившего наследство сына (Лк. 15:18). В семье Карамазовых, напротив, отец не только не выделяет никому из сыновей «достойную часть имения», но и без стеснения объясняет свою скупость еще более тяжким пороком – блудным грехом. В разговоре со своим младшим сыном Алешей он, презирая его чистоту и невинность, заявляет: «Теперь я пока все-таки мужчина, пятьдесят пять всего, но я хочу и еще лет двадцать на линии мужчины состоять, так ведь состареюсь – поган стану, не пойдут они ко мне тогда доброю волей, ну вот тут-то денежки мне и понадобятся. Так вот я теперь и подкапливаю все побольше, да побольше для одного себя-с, милый сын мой

Алексей Федорович, было бы вам известно, потому что я в скверне моей до конца хочу прожить, было бы вам это известно. В скверне-то слаще: все ее ругают, а все в ней живут, только все тайком, а я открыто»⁷³.

В одном ряду с отцом стоит средний сын Иван. Он также открыто демонстрирует свои богоборческие взгляды. В главке «Братья знакомятся» Иван признается Алёше, что не принимает Божьего мира: «Я мира, им созданного, мира-то Божьего не принимаю и не могу согласиться принять»⁷⁴. Не случайно автор сопоставляет Ивана Карамазова с библейским Каином: «Да я-то тут что? Сторож я что ли моему брату Дмитрию?»⁷⁵. В таком случае Иван, зная о намерениях Смердякова, потворствует не только убийству, но и будущим мукам Дмитрия.

Одной из своих задач Иван видит в совращении Алёши с истинного пути тенденциозно подобранными фактами и подталкивании его к индивидуалистическому бунту. «Ты мне дорог, я тебя упустить не хочу и не уступлю твоему Зосиме»,⁷⁶ – вот цель Ивана. Отчасти это ему удается на время: Алёша соглашается, что для удовлетворения нравственного чувства следует расстрелять генерала, затравившего насмерть мальчика борзыми собаками.

Приводя в идеологическом споре с Алёшей пример с невинно страдающими детьми, Иван не замечает, что сам нарушает заповедь Христову: *Но Иисус, подозвав их, сказал: пусть дети приходят ко Мне и не возбраняйте им, ибо таковых есть Царствие Божие (Лк. 18,16); а кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему жерновный камень на шею и бросили его в море (Мк. 9:42)*. Иван выступает в этой сцене как бес-искуситель, лукаво подменяющий в трактовке фактов причину и следствие: ответственность за зло, совершаемое по свободной воле людей, он возлагает на Бога. Позже Иван попросит у Алёши

⁷³ Достоевский, Ф. М. Братья Карамазовы. С. 212.

⁷⁴ Там же. С. 288.

⁷⁵ Там же. С. 283.

⁷⁶ Там же. С. 288.

прощения за эту сцену. И Алексей на непродолжительное время поддается искушению: уходит из монастыря, посещает с братом квартиру Грушеньки, нарушает пост. Его колебания подогревает разочарование большинства нестойких в вере людей, в том числе монахов, которые ожидали чудесных знамений после смерти старца Зосимы, а после появления признаков тления его тела были разочарованы. Примечательно, что перед своей смертью, предчувствуя беду в семье Карамазовых, старец просил юношу отыскать брата Дмитрия, тем самым уберечь его от необдуманных действий, ложных обвинений. Однако временное духовное затмение, нашедшее на Алешу, невыполнение наставления старца, сделало его косвенным виновником несправедливого осуждения брата Дмитрия.

В романе есть прямая сцена, свидетельствующая о собственном отношении Ивана к ребенку Лизе, которую он называет бесенком и развратной женщиной в 15 лет.

Обитатели монастыря, как и миряне, по-разному воспринимают духовное руководство, далеко не все считают необходимым открывать свои помыслы духовнику отцу Зосиме.

Для Ферапонта, одного из ярких противников старчества, характерен грех прелести, происходящий от гордыни. Стремление к уединению скрывает тайное человеконенавистничество; постоянные бесовидения указывают на то, что Ферапонт в заблуждении. Он также выступает идейным антагонистом Зосимы. Внешнее описание Ферапонта противопоставляется описанию старца: в свои 75 или более лет он не стар, старец же Зосима в 65 лет выглядит гораздо старше своих лет. Примечательно, что предшественник Ферапонта постник и молчальник отец Иона прожил 105 лет. Видимо, этим автор показывает, что принимающий исповедь и пропускающий через своё сердце людское горе стареет гораздо раньше, чем тот, кто молчит, постится и молится. Ферапонт не бывает на обязательной для всех монахов монастыря исповеди у старца Зосимы, не причащается Святых Христовых Таинств, и по сути добивается своего отселения от монастыря в келью за пасекой по своей

воле. Этого монаха ничто не объединяет с монастырём. Будучи простым монахом, Ферапонт благословляет такого же монаха из Обдорской обители, чем нарушает церковный Устав. Автор подчёркивает, что Ферапонт «всегда почти груб». Держит пост в Светлую Пасхальную Неделю, когда Уставом пост запрещен. «У него свой устав» - говорят иноки монастыря, поэтому послушаниями Ферапонт обременён не был, разве только возжигать лампы в своей келье. Когда Зосима почил, Ферапонт устраивает ужасающую сцену, злословя над телом упокоившегося старца.

Смердяков олицетворяет скрытое зло под внешней благопристойностью. Лакею, идеологически наученному Иваном, не хватает дворянского статуса, поэтому Смердяков действует своими собственными методами. Достаточную характеристику дает Смердякову адвокат Фетюкович: «Существо это решительно злобное, непомерно честолюбивое, мстительное и знойно завистливое⁷⁷». Деньги, которые он украл у отца, предназначены для поездки во Францию, потому что Смердяков проклинает Россию, учит французский.

Федора Павловича, Ивана и Смердякова объединяет идея сверхчеловека: способности суда над человеком. Все три персонажа непокорны воле Божьей и поэтому не воспринимают духовного руководства, не входят в сферу общения с старцем Зосимой. Смердяков даже не соприкасается в романе со старцем, в отличие от Федора Павловича с сыном Иваном.

Таким образом, в романе Достоевского показана своеобразная перверсия евангельской притчи о блудном сыне: чистотой сердца и человеколюбием здесь отличается сын Алеша, а отец и старшие братья, напротив, поражены пороками. Примечательно в этой связи, что присущая старшим членам семейства Карамазовых гордыня (сатанинский грех) не позволяет им бороться

⁷⁷ Достоевский, Ф. М. Братья Карамазовы. С. 885.

с греховными помыслами, потому-то и не слышат они наставлений старца Зосимы.

Второй тип отношения к духовному руководству показан на примере госпожи Хохлаковой. Она называет Зосиму «великим исцелителем». В разговоре же со старцем госпожа Хохлакова говорит: «...Готова была на колени стать и стоять на коленях хоть три дня пред вашими окнами, пока бы вы меня впустили»⁷⁸. Восторженность, экзальтация – не признаки истинной веры. Для Хохлаковой важны внешние атрибуты веры, она ждёт видимых чудес от старца. Сама же следует заповедям Христовым лишь на словах. Так, например, она тоже отказывает Дмитрию в материальной помощи, когда он обращается к ней в отчаянии. Но, в отличие от Федора Павловича, который открыто демонстрирует свою ненависть к сыну, она так завуалировала свой отказ, что Дмитрий не сразу смог распознать истинный смысл ее «бесценного» совета – отправиться на золотые прииски. Кроме того, автор намекает, что истинная цель посещения городка госпожой Хохлаковой вовсе не исцеление дочери, а житейские дела: «Они уже с неделю как жили в нашем городе, больше по делам, чем для богомолья»⁷⁹.

Таким образом, показная религиозность и экзальтация госпожи Хохлаковой, по сути, ложь перед Богом.

Дмитрий Карамазов по своим качествам находится в положении между Алёшей и Иваном. Несмотря на карамазовское сладострастие, неуравновешенность, безудержность, Дмитрий уважительно относится к отцу Зосиме: он первым среди прочих берёт благословение у старца в келье. Дмитрий любит братьев, признаётся, что ехал «лелеять старость отца», стремится к чистоте и гармонии Алёши. В отличие от Ивана, Дмитрий верит в чудо промысла Божьего: «Чуду промысла Божьего. Богу известно мое сердце, он видит все мое отчаяние. Он всю эту картину видит. Неужели он попустит

⁷⁸ Достоевский, Ф.М. Братья Карамазовы. С. 69.

⁷⁹ Там же. С. 61.

совершиться ужасу? Алеша, я чуду верю, иди!»⁸⁰ Дмитрий, так же, как и Алёша, способен искренне любить, готов жертвовать собой, способен отличить добро от зла, готов раскаиваться в дурных поступках. Именно поэтому старец Зосима делает земной поклон Дмитрию, предвидя его страдания.

Неправедное осуждение и страдание на каторге следует рассматривать как орудие спасения души Дмитрия. Не случайно старец Зосима, провожая семейство Карамазовых из своей кельи, поклонился в ноги Дмитрию, «страданью его будущему поклонился». Дмитрий уже так поработан страстями и так далеко зашел в своих греховных помыслах, что без искупительной жертвы он уже не может вырваться из круга страстей. Жалость к поверженному им слуге Григорию направляет Дмитрия к молитве: «Пронеси эту страшную чашу мимо меня! Ведь делал же ты чудеса, Господи, для таких же грешников, как и я!»⁸¹. Дмитрий осознает себя грешником, и реально просит Бога о том, чтобы слуга Григорий остался в живых. Григорий не погибает. Когда Дмитрий узнает об этом, то снова молиться, но уже не просительной молитвой, а благодарением: «Жив? Так он жив! – Господи, благодарю Тебя за величайшее чудо, содеянное Тобою мне, грешному и злодею, по молитве моей!..»⁸². Молился Дмитрий и по дороге в Мокрое. Молитва и покаяние Дмитрия венчаются сном о погорельцах с «дитём». Как и в случае с Алёшей сон становится переломным моментом в сторону перерождения: «И чувствует он еще, что подымается в сердце его какое-то никогда еще не бывалое в нём умиление, что плакать ему хочется, что хочет он всем сделать что-то такое, чтобы не плакало больше дитё...»⁸³. Дмитрий признаётся, что «никогда не поднялся бы сам собой»: «Принимаю муку обвинения и всенародного позора моего, пострадать хочу и страданием очищусь»⁸⁴. В Дмитриии оживают духовные «семена», полученные от Алеши

⁸⁰ Там же. С. 152.

⁸¹ Достоевский, Ф.М. Братья Карамазовы. С. 527.

⁸² Там же. С. 552.

⁸³ Там же. С. 609.

⁸⁴ Там же. С. 611.

и старца Зосимы, поучения, когда каждый за всех виноват: «За дитё-то я теперь и в Сибирь пойду, я не убил, но мне надо в Сибирь пойти!»⁸⁵. Если есть покаяние, то недалеко для Дмитрия и воскресение: «Воскрес во мне новый человек! Был заключен во мне, но никогда бы не явился, если не этот гром...»⁸⁶

Третий тип восприятия духовного руководства показан автором в образах Алеши Карамазова, насельников монастыря, отца Паисия, библиотекаря отца Иосифа и крестьянских женщин.

Послушание народное изображено в главе «Верующие бабы», которая «разрывает» повествование с семейной сценой в келье старца. Каждая посетительница принимает и исполняет духовной совет Зосимы: одна собирается возвратиться поскорее с богомолья к мужу, другая преодолевает желание помянуть пропавшего сына за упокой, третья перестает бояться своего греха, продолжая каяться. Данная сцена призвана подчеркнуть смиренномудрие простого народа как хранителя Православия.

Важно сопоставить цели посещения старца одними и другими. Для «нестройного семейства» во главе с Федором Павловичем предлог посещения Зосимы был изначально фальшивый; расстояние, которое требовалось преодолеть до кельи в скиту, небольшое, всего в версту, в то время как верующие женщины идут за советом за триста и более вёрст. Пётр Александрович Миусов, либерал и вольнодумец-атеист, составляет Карамазовым компанию «от скуки или для легкомысленной потехи», У Ивана – цель та же. Никто из них не подает при входе в монастырь нищим.

Характерны обращения, с которыми приступает Фёдор Карамазов к старцу Зосиме в хронологии от начала посещения до ухода: *ваше преподобие, старец великий, благословенный отец, святейшее существо, учитель, блаженный человек, ангел вы мой, блаженнейший человек*. Очевидно, что по мере пребывания в келье старца степень раздражения и иронии в его словах возрастает. «Верующие бабы» обращаются к праведнику по-другому: «в трех

⁸⁵ Достоевский, Ф.М. Братья Карамазовы. С. 682.

⁸⁶ Там же. С. 709.

монастырях побывала, да указали мне: «Зайди, Настасьюшка, и сюда, к вам то есть, голубчик, к вам»»; «пойду, родной, по твоему слову пойду»; «свет ты наш»; «отец родной»; «из Вышегорья, милый». В обращениях женщин преобладает искренность, подчеркивается духовное родство со старцем, которое важнее кровного.

В контексте романов Ф.М. Достоевского сны играют особую роль в раскрытии характера персонажей. Сон, в котором Алеша видит своего духовного наставника в числе избранников Божьих, словно пробуждает его от духовного «ропота», открывает истинное содержание его души. Это сон, действие которого происходит на трапезе в Кане Галилейской. Среди прочих гостей на пиру Алёша видит своего духовного наставника, отца Зосиму, который после своей смерти не оставляет руководства над Алёшей. Именно чистота помыслов, искренность, милосердие, сострадание, детское восприятие мира и готовность следовать за духовным отцом позволяют Алеше в сновидении стать сотрапезником избранников Божьих.

Алеша не случайно удостоен участия в трапезе Христовой: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят». Можно проследить и соответствие образа Алеши другим заповедям блаженства: он милостивый, миротворец, кроткий. «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное». Алеша не считает себя святым: «Я это понимаю», - говоря о сладострастии Ракину⁸⁷.

О кротости Алёши мы узнаем из слов старца на трапезе в Кане Галилейской: «И ты, тихий, и ты, кроткий мой мальчик, и ты сегодня луковку сумел подать алчущей. Начинай, милый, начинай, кроткий, дело свое!..»⁸⁸. В романе так же множество подтверждений кротости Алёши.

«Блаженны плачущие» говорит Господь. Алёша плачет, когда вспоминает о крови отца, пролившейся во время избиения Фёдора Павловича Дмитрием. Не случайно старец наставляет разыскать Дмитрия Алёше, чтобы тот наставил брата. Дмитрий действительно был близок к убийству, когда

⁸⁷ Достоевский, Ф. М. Братья Карамазовы. С. 101.

⁸⁸ Там же. С. 438.

простучал таинственные знаки, а из окна показался силуэт Фёдора Павловича. Именно тогда Дмитрий вспомнил разговор с Алёшей, вопрошавшего его 4 дня назад о том, как Дмитрий может говорить, что убьёт отца. «Бог, как сам Митя говорил потом, сторожил меня тогда»⁸⁹.

«Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся». Алёша пытается «свести» Ивана с Катериной Ивановной: «Я право не знаю, как я все это теперь смею, но надо же кому-нибудь правду сказать... потому что никто здесь правды не хочет сказать...»⁹⁰.

«Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут». Главный герой романа милостив на протяжении всего романа к каждому персонажу, и к школьникам, и к Грушеньке, и дворовому Григорию, которого сильно ударил Дмитрий: «Не намочить ли и тебе голову и не лечь ли тебе тоже в постель»⁹¹.

О чистом сердце Алёши говорит сам автор: «Попросил бы только читателя не спешить еще слишком смеяться над чистым сердцем моего юноши», «То-то и есть, что вся любовь, таившаяся в молодом и чистом сердце его ко «всем и вся»⁹².

Алеша миротворец, так как весь роман занимается примирением всех: «Старец посылал меня, чтобы примирить и соединить»⁹³. Именно Алеша соединяет руки брата Ивана и Катерины Ивановны.

«Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное». В борьбе за правду Алёша противопоставляется остальному обществу, которое не всегда радушно настроено к герою. Отметим, что на протяжении всего романа Алёша ни разу не снимает подрясника.

«Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать, и всячески неправедно злословить за Меня». Без сомнений, здесь вспоминается сцена злословия Ферапонта над телом почившего старца Зосимы. Тогда истинные

⁸⁹ Достоевский, Ф. М. Братья Карамазовы. С. 476.

⁹⁰ Там же. С. 236.

⁹¹ Там же. С. 175.

⁹² Там же. С. 412.

⁹³ Там же. С. 241.

последователи старца: Алёша, иеромонахи Паисий и Иосиф вполне оказались под насмешками Ферапонтовых сторонников.

«Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах...». В главке «Кана Галилейская» старец Зосима, явившись во сне Алеше, делится с ним радостью: «Веселимся, пьем вино новое, вино радости новой, великой»⁹⁴. Ф.М. Достоевский использует перефраз ирмоса третьей песни канона Пасхи: «Приидите пивопиемное, не от камене не плодначудодеемое, но нетления источник, из гроба дождивша Христа, в Нем же утверждаемся»⁹⁵, автор которого Иоанн Дамаскин. Текст ирмоса соединяет читателя с Царством Небесным, где Трапеза, начатая в Кане Галилейской, «продолжается» вместе с Господом Иисусом Христом в Мире Горнем. Для старца Зосимы цель достигнута: он обожен, пребывает в радости вместе со званными и пришедшими на пир, устроенный Богом. Использование Ф.М. Достоевским перефразы текста Пасхального канона позволяет утверждать, что здесь подразумевается не только первое чудо Христа, когда чудесным образом вода была претворена в вино, но и Евхаристия в Сионской горнице, когда вино было претворено в Кровь Христову. «Не имам пити отныне от сего плода лознаго, до дне того, егда е пию с вами ново во царствии Отца Моего» (Мф. 26, 29). Воскресение Христово, а вместе с Ним и старца Зосимы пробуждает Алёшу, убеждает в правильном пути, направляет и наполняет сердце новыми чувствами: «Что-то горело в сердце Алёши, что-то наполнило его вдруг до боли, слезы восторга рвались из души его... Он простёр руки, вскрикнул и проснулся». Автор подчёркивает, что Алёша «*три* твёрдыми скорыми шагами подошёл вплоть ко гробу», и вся эта сцена происходит на третий день повествования в романе. «Какая-то как бы идея воцарялась в уме его – и уже на всю жизнь и на веки веков»⁹⁶.

⁹⁴ Достоевский, Ф. М. Братья Карамазовы. С. 439.

⁹⁵ Триодь Цветная // Издание Московской Патриархии. 1992. Лист 2, на обороте.

⁹⁶ Достоевский, Ф. М. Братья Карамазовы. С. 440.

Семена истинной веры, посеянные старцем, дают свои плоды: юноша действует по благословию Зосимы – оставляет монастырь для жизни в миру, избирая себе в жены больную дочь госпожи Хохлаковой.

Алёша Карамазов послушен своему духовному наставнику. Поэтому он без замедления соглашается со словами отца Зосимы на выход в мир из монастыря. Алёша прекрасен благодаря качествам, которые получил от умершей матери-кликуши и от воспитания отцом Зосимой. По словам М.М. Дунаева, Алёша, принадлежа земной жизни, может быть подвержен и может уступать в какой-то момент всем мирским соблазнам, не имея той силы, какую имеют святые, чтобы твёрдо противостоять посылаемым испытаниям⁹⁷. Поэтому отец Зосима благословляет Алёшу «пребывать в миру»: «Чего ты? Не здесь твое место пока. Благословляю тебя на великое послушание в миру. Много тебе еще странствовать. И ожениться должен будешь, должен. Все должен будешь перенести, пока вновь прибудеши. А дела много будет. Но в тебе не сомневаюсь, потому и посылаю тебя. С тобой Христос. Сохрани Его, и он сохранит тебя. Горе узришь великое и в горе сем счастлив будешь. Вот тебе завет: в горе счастья ищи. Работай, неустанно работай. Запомни слово мое отныне, ибо хотя и буду еще беседовать с тобой, но не только дни, а и часы мои сочтены»⁹⁸. Давайте посмотрим, как реагирует Алёша на наставления отца Зосимы в разговоре с Лизой Хохлаковой: «Нисколько. Я как прочел, то тотчас и подумал, что этак все и будет, потому что я, как только умрет старец Зосима, сейчас должен буду выйти из монастыря. Затем я буду продолжать курс и сдам экзамен, а как придет законный срок, мы и женимся. Я вас буду любить. Хоть мне и некогда было еще думать, но я подумал, что лучше вас жены не найду, а мне старец велит жениться...»⁹⁹.

На одной духовной высоте писатель показывает народ, и на противоположной: Фёдора Павловича Карамазова и прочих, с ним сходных

⁹⁷ Дунаев, М. М. Православие и русская литература. Ч. 3. С. 632.

⁹⁸ Достоевский, Ф. М. Братья Карамазовы. С. 98.

⁹⁹ Там же. С. 226.

типов. Для того, чтобы преодолеть эту пропасть, нужен наставник, духовный пастырь. Но не все прислушиваются к словам старца.

Во второй части романа уже не старец, а Алёша становится духовно-нравственной парадигмой в романе. Юноша выполняет наставление своего покойного духовного отца: несет послушание в миру. Идея Достоевского в том, что и в миру можно быть духовно-нравственным руководителем, но не только в монастырских стенах. При этом, для Алёши это безусловное выполнение послушания. Проследим, как оно реализуется.

По отношению к Грушеньке.

На первый взгляд, Аграфена Александровна Светлова – персонаж, безусловно, отрицательный. И действительно: её спорная репутация, а также поведение по отношению к старику Фёдору и его сыну Дмитрию Карамазовым в конечном счёте приводит к роковому разрешению. Тем не менее, фамилия «Светлова» и отношение к Грушеньке Алёши говорит о другом. Именно Алёшино милосердие к разгульной женщине определяет её правильное решение по отношению к Дмитрию, а это, в свою очередь, предотвращает самоубийство Дмитрия. Когда Аграфена колеблется между «прежним и бесспорным» поляком и Дмитрием, она вспоминает, что Алёша «сегодня на всю жизнь слова сказал...». Что это были за слова? Это сцена, когда Ракитин привёл Алёшу из-за пари к Грушеньке, преследуя свои цели (посмотреть, как «падёт» Алёша и, возможно, затем описать это в какой-нибудь статейке, а также сумма денег, которую обещала Грушенька в случае, если Ракитин сумеет привести Алёшу). Но целям Ракитина не суждено было осуществиться: Аграфена мало-помалу начинает каяться. Её весьма поражает известие о смерти старца Зосимы: «Так умер старец Зосима! – Господи, а я того и не знала! – Она набожно перекрестилась. – Господи, да что же я, а я-то у него на коленках теперь сижу!»¹⁰⁰. Сэтого момента, с покаяния Грушеньки, начинается утихать «бунт» Алёши, вместо души злой он видит «душу

¹⁰⁰ Достоевский, Ф. М. Братья Карамазовы. С. 427.

любящую» и называет её сестрой. Покаяниегрешной женщины «возвращает» Алёшу на прежнюю дорогу, и здесь не без участия уже почившего старца. Автор по-евангельски радуется о спасении одного грешника (Грушеньки) более, чем о спасении тысячи праведников. Алёша «по-зосимовски» говорит о Грушеньке: «В душе этой может быть сокровище»¹⁰¹.

Грушенька просит Алёшу дать ей ответ как быть: «Разрешь ты меня, Алёша, время пришло; что положишь, так и будет. Простить мне его или нет?». Налицо передача духовнической функции от духовного отца к сыну. Аграфена не только частично исповедует свою жизнь, рассказывая как «сатана венчал её с купцом Самсоновым», но и просит совета у Алёши.

В конце беседы Грушенька признаётся: «Я всю жизнь такого, как ты, ждала, знала, что кто-то такой придёт и меня простит»¹⁰².

По отношению к Ивану.

Вспомним, как Иван не хочет «отдавать» Алёшу старцу. Тоже самое можно сказать и про Ивана: Алёша не собирается «отдавать» Ивана – чёрту. Не случайным кажется внезапный ответ Алёши Ивану в том, что убил (то есть является настоящим идеологическим убийцей) не Иван: «Брат, удержишься: не ты убил. Это неправда!»¹⁰³. Настоящее число убийц в романе 3: Смердяков является орудием убийства, руками и инструментом, Иван – тот, через кого идея убийства переходит к Смердякову, но началом идеи является существующее зло (чёрт), которое реально и не воображаемо воплощается в разговоре с Иваном Карамазовым. «Ну, в таком случае отца чёрт убил!» - сорвалось вдруг у Мити¹⁰⁴. И далее: «О, это чёрт сделал, чёрт отца убил, через черта и вы так скоро узнали!»¹⁰⁵. Писатель вносит в повествование следующий диалог находящихся в зале суда обывателей накануне объявления приговора Дмитрию: «Да чёрт-то чёрт, без черта не обошлось, где ж ему и быть, как не тут».

¹⁰¹ Достоевский, Ф. М. Братья Карамазовы. С. 432

¹⁰² Там же. С. 434.

¹⁰³ Там же. С. 782.

¹⁰⁴ Там же. С. 572.

¹⁰⁵ Там же. С. 575.

Желаемый финал для чёрта в отношении Ивана и Дмитрия – самоубийство. И первый и второй близки к этому: Дмитрий берет с собой пистолеты, рассчитывая застрелиться рано утром: «Вот если застрелиться, так когда же как не теперь?»¹⁰⁶. Чёрт внушает Ивану: «... Борьба веры и неверия – это ведь такая иногда мука для совестливого человека, вот как ты, что лучше повеситься»¹⁰⁷. Иван борется: «Завтра крест, но не виселица. Нет, я не повешусь...»¹⁰⁸. В конечном счёте Иван сходит с ума и близок к смерти.

Если у дьявола не получается с Дмитрием и Иваном, то он достаточно легко разделяется с лакеем Смердяковым, наиболее послужившим злу и получившим «самую высокую награду» – гибель души. «Повезло» больше, но, тем не менее, не хватило стойкости Ивану: если бы Иван сразу же после разговора со Смердяковым направился к прокурору и доложил о случившемся, то не суде было бы другое решение по отношению к Дмитрию. Прокурор задаёт вопрос: «Но почему бы ему не заявить об этом тотчас же?»¹⁰⁹ Иван вроде бы стал исправляться: как милосердный самарянин из Евангельской притчи, отыскал в снегу ранее спихнутого им мужичонку, которого отнёс в дом на лечение к одному мещанину, одарив щедро последнего деньгами. Желание свидетельствовать против себя на суде стало возрождать душу Ивана: «Он почувствовал в себе какую-то бесконечную твердость: конец колебаниям его, столь ужасно его мучившим всё последнее время!». Но, повторимся, Иван пошёл не к прокурору, а в дом, где квартировал. Там, на диване «что-то ледяное прикоснулось вдруг к его сердцу...».

Дмитрий, рассуждая над тем, почему он не убил отца, так же упоминает: «Слезы ли чьи, мать ли моя умолила Бога, дух ли светлый облобызал меня в то мгновение – не знаю, но чёрт был побеждён»¹¹⁰.

¹⁰⁶ Достоевский, Ф. М. Братья Карамазовы. С. 527.

¹⁰⁷ Там же. С. 773.

¹⁰⁸ Там же. С. 781.

¹⁰⁹ Там же. С. 854.

¹¹⁰ Там же. С. 568.

Чёрт-приживальщик признается Ивану, что «виноват» перед Алёшей за старца Зосиму. То есть ответственность за тлетворный дух и вытекающие из этого последствия чёрт берет на себя. При этом с приходом Алёши к Ивану чёрт исчезает.

Согласно догматическому богословию именно диавол является начальником зла и греха в мире: *Кто делает грех, тот от диавола, потому что сначала диавол согрешил (1 Ин. 3:8)¹¹¹.*

По отношению к детям.

В финале романа Алёша становится объединяющим и примиряющим центром по отношению к детям. Он оказывается своеобразным духовным наставником детей, которые более способны к восприятию духовного руководства, чем старшие. Алёша ведет себя с детьми, как старец со взрослыми. Называет их «голубчики», как называл своих собеседников старец Зосима, а его, в свою очередь, называли так верующие.

Алеша высказывает мысль, что каждый человек изначально чист и добр. Это добро может победить даже самого в будущем злого в себе человека. Это согласно с богословием, потому что всё изначально сотворённое Богом – добро.

Преподобный Иустин (Попович) разделяет в творчестве Ф.М. Достоевского героев на 2 типа: богоборцев (неверующих в Бога, атеистов, человеко-богов) и христоликих (верующих в Бога). К последним он относит старца Зосиму, Алешу Карамазова, князя Мышкина, Макара Долгорукого. Чудесный и чудотворный Лик Христа действует непосредственно или опосредованно через их христоликие личности, которые Бога не доказывают, а показывают. «Через опыт деятельной любви человек обретает реальное, опытное богопознание и реальное самопознание, то есть он реально и экспериментально познает, что его душа христолика и бессмертна»¹¹². Безусловно, следует согласиться с характеристикой героев прп. Иустином.

¹¹¹ Давыденков О., прот. Догматическое богословие // ПСТГУ. 2013. С. 261.

¹¹² Иустин (Попович), прп. Философия и религия Достоевского. С. 18.

Однако, на наш взгляд, деление героев на два типа не охватывает таких персонажей, как, например, Дмитрий Карамазов, которого и к богоборцам полностью не отнесешь, и христоликим не назовешь. Прп. Иустин считает, что положительный образ старец Зосима являет собой православное решение проблемы личности, зная тайну возрождения каждой человеческой души. Именно старец постепенно преобразует юную душу христоустремленного Алеши, формирует эту душу по образу Христову, «наполняет ее христообразными добродетелями и с помощью их возвращает и развивает богообразную сущность Алешиной души. Тайна старца Зосимы в Образе Христовом...»¹¹³.

Таким образом, старец с помощью Образа Христова открывает в душе каждого, что христолюбиво, бессмертно и вечно. Отец Зосима – человек, который непрестанно ставит Бога на первое место: все его делание направлено на христоустремленные подвиги. Преподобный объединяет христоликих героев по присущим им добродетелям, которые ведут к обожению: вере, смирению, молитве. Через эти добродетели человек открывает себя, вносит себя в Бога. Любовь – Божия сущность, через нее Бог являет Себя человеку¹¹⁴. Личным переживанием и усвоением первой и наибольшей заповеди человек входит в природу Божию, становится причастником Божеского естества (2 Пет. 1, 4; Еф. 3, 5). Любовь – путь и способ богопознания, что для небоголюбивых людей становится неизвестным. Бог – единственный Творец любви, через нее Бог принимает человека как содержание Своей жизни: соединяется с ним до богочеловеческого единства – становится Человеком, чтобы человека сделать Богом. Без первой заповеди невозможна вторая, для Достоевского любые добродетели невозможны без Бога, и менее всего возможно без Бога сущность всех добродетелей – любовь. Именно любовь к Богу и через Бога – к человеку характеризует христоликих героев. Старец

¹¹³ Достоевский, Ф. М. Братья Карамазовы. С. 224.

¹¹⁴ Там же. С. 262.

Зосима учит о деятельной любви, Алеша практически использует это учение своего духовного наставника.

Выводы по 3 главе.

Ф.М. Достоевский является одним из немногих писателей XIX века, кто затрагивает тему нравственного и духовного руководства в литературе. Романы писателя по-настоящему передают духовную атмосферу современной ему эпохи, в которой образовалась огромная пропасть, разделившая высшее «по-европейски настроенное» общество с народом.

Писатель обращается к идее изображения величавой, положительной, святой фигуры, которая выполняет роль нравственного и духовного руководителя. Герои этого типа находят воплощение в романе «Подросток» в образе Макара Долгорукого, в «Бесах» – архиеерея Тихона, в «Братьях Карамазовых» – отца Зосимы.

Достигнуть братства во Христе возможно лишь путём внутренне свободного духовного совершенствования человека на основе призываемой благодати Божией. Революционный идеал предполагает, напротив, достигнуть справедливости, в понимании ее идеологов, путём внешнего своевольного насилия и уничтожения всех, тому противящихся.

Надежду на осуществление идеала писатель основывал на своём видении народной жизни. Это и есть то положительное начало, какое автор «Бесов» противопоставил разгулу бесовского нигилизма в романном пространстве. Положительные герои романа: духовидец Тихон, нравственно противостоящий «верховенцам» Хроникёр, идейно противостоящий, хотя и колеблющийся, Шатов.

Не только пастыри виноваты в разрыве с обществом, часть которого заражена духовной болезнью: атеизмом и безверием. Далек не все правильно воспринимают духовное руководство. Например, Федор Павлович и Иван Карамазовы, Смердяков («Братья Карамазовы»), Ставрогин, Верховенский («Бесы»), объединенные идеей сверхчеловека, не слышат духовных наставлений. Некоторые из них вообще не входят в сферу общения с духовником. Если в романе «Бесы» соприкосновение героев со Ставрогиным

приводит к катастрофе, то в «Братьях Карамазовых» катастрофу частично удается предотвратить, особенно для Дмитрия Карамазова, ведь не он убивает отца.

Для Дмитрия и госпожи Хохлаковой характерны уважение к духовному наставнику, признание истинности его советов, но при этом внутренняя неготовность следовать им, слабование и экзальтация.

Полностью принимают духовное руководство сам духовник Зосима. Он исповедуется младшему по возрасту иеромонаху Паисию. Также к этому типу относятся Алёша Карамазов, насельники монастыря из окружения Зосимы, крестьянские женщины. Они стремятся к духовному совершенствованию и Богопознанию, смирению, борьбе со грехом, глубокому уважению к духовнику и неукоснительному послушанию.

В обобщенном виде типы восприятия духовного руководства обществом показано в таблице:

Тип восприятия	Имена, произведения	Качества личности
Отвержение	.	Порабощенность страстями, отрицание Божьих заповедей, стремление к реализации собственной воли, способность на преступление.
Поверхностное	Дмитрий Карамазов, госпожа Хохлакова.	Уважение к духовному наставнику, признание истинности его советов, но при этом внутренняя неготовность следовать им, слабование, экзальтация.
Полное принятие	Алёша Карамазов, монахи из окружения старца Зосимы, крестьянские женщины. (самого иеросхимонаха Зосиму можно также отнести к этому типу)	Стремление к духовному совершенствованию и Богопознанию, смирение, борьба со грехом, глубокое почитание старца и неукоснительное послушание.

Заключение.

Настоящее исследование было посвящено религиозно-философскому осмыслению пастырского служения в творчестве Ф.М. Достоевского. Исходя из цели и задач работы, можно сделать следующие выводы.

Романы писателя по-настоящему передают духовную атмосферу современной ему эпохи, в которой образовалась огромная пропасть, разделившая высшее «по-европейски настроенное» общество с народом.

Система образов духовных пастырей в произведениях Ф.М. Достоевского основана не на церковной иерархии, а на духовном критерии - степени приближения к Богу и любви к ближнему, что соответствует двум важнейшим заповедям Христовым. В результате проведенного анализа составлена следующая система персонажей-духовных наставников.

Идею истинного пастырства и духовного наставничества Ф.М. Достоевский связывает с Православной Церковью. Писатель обращается к изображению величавой, положительной, святой фигуры, которая выполняет роль нравственного и духовного руководителя. Герои этого типа находят воплощение в следующих произведениях: епископ Тихон – «Бесы», иеросхимонах Зосима – «Братья Карамазовы».

Верными последователями этих духовных наставников выступают в творчестве Достоевского представители ученого монашества: иеромонахи Паисий и Иосиф («Братья Карамазовы»), которые сочетают в себе интеллектуальный потенциал и высоту духовного развития. Именно эта категория пастырей способна найти общий язык с интеллигенцией, утратившей веру и уклонившейся от Церкви.

Роль духовных наставников в произведениях Ф.М. Достоевского успешно выполняют и некоторые миряне: Алеша Карамазов («Братья Карамазовы»), Соня Мармеладова («Преступление и наказание»), книгоноша Софья («Бесы»), Макар Долгорукий («Подросток»). Пройдя через жизненные испытания и грехопадения, эти люди, всем сердцем принявшие Христа,

которых апостол Павел именует «царственным священством», сами оказываются способны повести по спасительному пути ближнего.

Противоречивый тип пастыря-требоисполнителя отражает в художественном мире писателя проблему отчуждения народа от Церкви. Эпизодические персонажи священников, часто безымянные, участвуют в жизни главных героев лишь как исполнители необходимых церковных обрядов и таинств. Они заурядны и не обладают духовными дарами, способными повести пасомых по пути спасения, не стремятся к духовному контакту с пасомыми, хотя остаются верны церковным установлениям.

Не обходит стороной писатель и внутренних проблем в духовной жизни Православной Церкви. В образе монаха-отшельника Ферапонта («Братья Карамазовы») автор показывает опасность духовного ослепления человека, превратно понимающего смысл монашеского подвига и аскетизма.

В качестве антиподов истинным пастырям писатель представляет образы западного духовенства (протестантского пастора, католического аббата и др.), подчеркивая полную утрату ими благодати Святого Духа. Они искаженно трактуют Священное Писание, отличаются грубым нарушением Божьей заповеди о любви к ближнему, сильно подвержены влиянию мира, нередко пребывает в плену страстей и грехов.

Высшей формой духовничества, с точки зрения Ф.М. Достоевского, является старчество, сочетающее в себе высочайшие качества личного духовного подвига, монашеского делания и священства.

В работе были рассмотрены истоки формирования института старчества в Древней Восточной и Русской Православной Церквях. Старчество – это православная аскетическая практика, заключающаяся в обращении новонаначального инока к духовному руководству более опытного подвижника.

Выявленные аналогии евангельского повествования и раскрытия образа Зосимы в романе «Братья Карамазовы» подчеркивают непреходящую нравственную ценность Христова учения. Сходство образа старца Зосимы со святыми отцами и современными автору подвижниками Православной

Церкви является доказательством возможности сохранения чистоты учения Христова в мире, который кажется порабощенным грехом.

В романе показаны три типа восприятия духовного руководства:

- 1) отвержение, насмешка: Фёдор Карамазов, Иван Карамазов («Братья Карамазовы»), Ставрогин, Верховенский («Бесы»);
- 2) легкомысленное, экзальтированное восприятие: (Дмитрий Карамазов, госпожа Хохлакова («Братья Карамазовы»);
- 3) полное приятие, смиренномудрие: Алёша Карамазов, монахи из окружения старца Зосимы, крестьянские женщины («Братья Карамазовы»).

Проводя аналогии между сюжетными линиями произведений Ф.М. Достоевского и историческими реалиями рубежа XIX - XX столетий, можно заключить, что отрыв пастырей от общества и паствы от духовников во многом способствовал трагическим революционным событиям 1917 года. Старец Зосима вместе с автором Братьев Карамазовых заповедует приходскому священству неустанно проповедовать Евангелие, устраивать еженедельные кружки по изучению Священного Писания. Это наставление актуально и сейчас, когда протестантские течения по-прежнему уводят из ограды Православной Церкви людей, делая упор именно на изучении Писания.

В конце XIX века не старцы идут к народу, а народ начинает идти к духовным наставникам, стремясь обрести у них то, что раньше мог получить в полноценной приходской жизни. Таким образом, по мере обмирщения пастырского окормления определенная часть паствы все чаще обращается к истокам христианских традиций, к сути православной аскетики – духовному богатству древних отцов; другая же часть вовсе утрачивает веру и уходит из Церкви. Старчество, первоначально сосредоточенное внутри монастырских стен, вышло из ворот обителей в мир, но эта проповедь была услышана далеко не всеми. Поэтому современному духовенству следует извлечь полезный урок, который оставила наша история и художественная литература в лице Ф.М. Достоевского: быть не только служителями алтаря, но и пастырями стада Христова.

Список источников.

1. Библия : книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета на церковнославян. языке с параллел. местами. – Москва : Изд-во Рос. библ. о-ва, 2005. – 1660 с.
2. Достоевская, А. Г. Воспоминания, 1846–1917. – М. : ООО «БОСЛЕН», 2015. – 768 с. : ил.
3. Достоевский, Ф. М. Бесы. Глава «У Тихона» [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые дан. // Lib.ru : [электрон. б-ка]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/text_0080.shtml, свободный. – Загл. с экрана. – Описание основано на версии, датир.: 21.03.2018.
4. Достоевский, Ф. М. Бесы // Соч. : в 12 т. – Москва, 1982. – Т. 8. – С. 5–460.
5. Достоевский, Ф. М. Бесы // Соч. : в 12 т. – Москва, 1982. – Т. 9. – С. 5–203.
6. Достоевский, Ф. М. Братья Карамазовы / Федор Достоевский. – Москва : Изд-во «Э», 2016. – 928 с.
7. Достоевский, Ф. М. Дневник писателя [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые дан. // Lib.ru : [электрон. б-ка]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/text_0480.shtml, свободный. – Загл. с экрана. – Описание основано на версии, датир.: 21.03.2018.
8. Достоевский, Ф. М. Дядюшкин сон // Соч. : в 12 т. – Москва, 1982. – Т. 2. – С. 5–136.
9. Достоевский, Ф. М. Идиот // Соч. : в 12 т. – Москва, 1982. – Т. 7. – С. 5–314.
10. Достоевский, Ф. М. Подросток // Соч. : в 12 т. – Москва, 1982. – Т. 9. – С. 5–203.
11. Достоевский, Ф. М. Преступление и наказание : роман в 6 ч. с эпилогом / послесл. и коммент. К. А. Баршта. – М. : Совет. Россия, 1988. – 352 с.

12. Житие иже во святых отца нашего Тихона, епископа Воронежского, всея России чудотворца. – 2-е изд, доп. – Санкт-Петербург, 1862. – 214 с.
13. Житие Марии Египетской // Жития святых, на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского. – Москва : Введен. Оптина Пустынь : Изд. отд. Моск. Патриархии, 1992. – Кн. 8 : Апрель. – 527 с.
14. Иоанн Лествичник, прп. Лествица. – Москва : Сиб. Благовонница, 2015. – 573, [3] с.
15. Отечник. Рассказы о жизни святых подвижников. – 5-е изд. – М.: ДАРЪ, 2009. – 768 с.
16. Триодь Постная. В 2 ч. Ч. 1. – Москва : Изд-во Моск. Патриархии, 1992. – 555, [35] с.
17. Триодь Постная. В 2 ч. Ч. 2. – Москва : Изд-во Моск. Патриархии, 1992. – 520, [17] с.
18. Триодь Цветная. – Москва : Изд. Московской Патриархии, 1992. – 336, [78] с.

Список литературы.

1. Антоний (Храповицкий), митр. Пастырское богословие. – Св.-Успен. Псково-Печер. мон-рь, 1994. – 325 с.
2. Баранов, А. Духовный отец в Православии. – Москва : ОБРАЗ, 2006. – 128 с.
3. Буданова, Н. Книги, подаренные Ф. М. Достоевскому в Оптиной Пустыни [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые дан. // Россия в красках : [сайт]. – Иерусалим, 2004–2015. – Режим доступа: <http://ricolor.org/history/cu/lit/4/optin/>, свободный. – Загл. с экрана. – Описание основано на версии, датир.: 01.10.2017.
4. Беглов, А. Л. Старчество в церковной традиции [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые дан. // Богослов.ru : науч. богослов. портал. – Москва, 2007–2017. – Режим доступа: <http://archive.bogoslov.ru/text/429277>, свободный. – Загл. с экрана. – Описание основано на версии, датир.: 04.05.2017.
5. Буланов А.М. Статья Ивана Карамазова о церковно-общественном суде в идейно-художественно й структуре последнего романа Достоевского [Электронный ресурс] // http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/Dostoevsky/Materialy/T_12/08_Буланов_125.pdf (Дата обращения: 27. 04.2019).
6. Георгий (Капсанис), архим. Пастырское служение по священным канонам. – Москва : Св. Гора, 2006. – 299 с.
7. Геча, И. Исповедь и духовное руководство в Православной Церкви [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые дан. // Богослов.ru : науч. богослов. портал. – Москва, 2007–2017. — Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/text/3531923.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Описание основано на версии, датир.: 31.03.2017.

8. Дунаев, М. М. Православие и русская литература. В 6 ч. Ч. 3. – 2-е изд., испр., дополненное. – Москва : Храм Св. мученицы Татианы при МГУ, 2002. – 768 с.
9. Екатерина (Филиппова), мон. Амвросий // Православ. энцикл. / под ред. Патриарха Моск. и всея Руси Кирилла. – Москва, 2001. – Т. 2. – С. 135–137 : ил.
10. Зандер Л.А. Монашество в творениях Достоевского (идеал и действительность) // Записки Русской Академической Группы в США. Нью-Йорк, 1981. Т. 14. 300 с.
11. Зосима (Верховская), мон. Зосима // Православ. энцикл. / под ред. Патриарха Моск. и всея Руси Кирилла. – Москва, 2009. – Т. 20. – С. 347–351 : ил.
12. Иванов, М. С. Бес // Православ. энцикл. / под ред. Патриарха Моск. и всея Руси Кирилла. – Москва, 2009. – Т. 4. – С. 683–686 : ил.
13. Игнатия (Петровская), мон. Слово о старчестве / монахиня Игнатия (Петровская) // Альфа и Омега. – 1996. – № 9. – С. 47–53.
14. Иустин (Попович), прп. Философия и религия Достоевского. – Минск : Изд-во Дмитрия Харченко, 2014. – 439 с.
15. Иустин (Попович), прп. Философия и религия Ф. М. Достоевского. – Минск : Изд-во Дмитрия Харченко, 2014. – 448 с.
16. Кривопапов, В. Н. Об одном источнике Братьев Карамазовых [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые дан. // Федор Михайлович Достоевский : [сайт]. – Москва, 2000–2019. – Режим доступа: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/kritika/krivolapov-ob-istochnike-bratev-karamazovyh.htm>, свободный. – Загл. с экрана. – Описание основано на версии, датир.: 11.10.2018.
17. Лебедев, А. П. Духовенство древней Вселенской Церкви от времен апостольских до X века. – 2-е изд., исправ. и доп. – Санкт-Петербург : Изд-во Олега Абышко, 2003. – 448 с.
18. Леонтьев, К. Н. Оптинский старец Амвросий [Электронный ресурс]. –

- Электрон. текстовые дан. // Азбука веры : православ. б-ка. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Konstantin_Leontev/optinskij-starets-amvrosij/, свободный. – Загл. с экрана. – Описание основано на версии, датир.: 09.02.2018.
19. Литвинова, Н. В. Игумен // Православ. энцикл. / под ред. Патриарха Моск. и всея Руси Кирилла. – Москва, 2009. – Т. 21. – С. 168–172.
 20. Михайлов, П. Б. Василий Великий // Православ. энцикл. – Москва, 2004. – Т. 7. – С. 131–146.
 21. О Достоевском : сб. ст. / под ред. А. Л. Бема. – Москва : Рус. путь, 2007. – 576 с.
 22. Правдолюбов С., прот. Иоанн Крестьянкин // Православ. энцикл. / под ред. Патриарха Моск. и всея Руси Кирилла. – Москва, 2010. – Т. 23. – С. 413–415.
 23. Сараскина Л.И. (Москва) Метафизика противостояния в «Братьях Карамазовых» [Электронный ресурс] // <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/kritika/sbornik-bratya-karamazovy/saraskina-moskva.htm> (Дата обращения: 23.04.2019).
 24. Смирнов, С. И. Древнерусский духовник / проф. С. И. Смирнов. – Москва: Православ. Св.-Тихонов. Богослов. ин-т, 2004. – 560 с.
 25. Смирнов, С. И. Духовный отец в Древней Восточной Церкви : история духовничества на Востоке / проф. С. И. Смирнов. – Москва : Православ. Св.-Тихонов. Богослов. ин-т, 2003. – 528 с.
 26. Смолич И. К. Русское монашество, 988–1917. Жизнь и учение старцев : прил. к «Истории Русской Церкви». – Москва : Церков.-науч. центр «Православная энциклопедия», 1997. – 607 с.
 27. Соколов, Б.В. Расшифрованный Достоевский. – Москва : Яуза : Эксмо, 2007. – 512 с.
 28. Тихон Задонский, свт. Сокровище духовное, от мира собираемое [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые дан. // Азбука веры : православ. б-ка. – Режим доступа:

- https://azbyka.ru/otechnik/Tihon_Zadonskij/sokrovische_duhovnoe/, свободный. – Загл. с экрана. – Описание основано на версии, датир.: 09.02.2018.
29. Соловьев А., прот. Старчество по учению святых отцов и аскетов / прот. Александр Соловьев. – Сергиев Посад : Св.-Троиц. Сергиева Лавра, 2005. – 168 с.
30. Тарасов, Б. Н. Достоевский // Православ. энцикл. / под ред. Патриарха Моск. и всея Руси Кирилла. – Москва, 2011. – Т. 16. – С. 88–100 : ил.
31. Ткаченко, А. А. Исповедь // Православ. энцикл. / под ред. Патриарха Моск. и всея Руси Кирилла. – Москва, 2011. – Т. 27. – С. 624–634.
32. Ткаченко, А. А. Духовник // Православ. энцикл. / под ред. Патриарха Моск. и всея Руси Кирилла. – Москва, 2011. – Т. 16. – С. 418–420.
33. Ф. М. Достоевский и Православие : публицист. сб. ст. о творчестве Ф. М. Достоевского / сост. Алексеев В. А. – Москва : Издат. дом «К единству», 2003. – 447 с.
34. Ф. М. Достоевский и Православие. – Москва : Отчий дом, 1997. – 320 с.
35. Цыпин В., прот., Л. В. Литвинова. Апостольские правила // Православ. энцикл. / под ред. Патриарха Моск. и всея Руси Кирилла. – Москва, 2001. – Т. 3. – С. 119–121.
36. Шавелевский Г. И., протопресв. Православное пастырство / подгот. к изд. прот. В. Фёдоров. – Санкт-Петербург : РХГИ, 1996. – 688 с.